

ВЛАДА
НОЧЬ

ВЕРА
ДОБРАЯ

18+

ЗОВ КРОВИ
Обречённые

Наследие крови

Вера Добрая

Зов крови. Обречённые

«Автор»

2026

Добрая В.

Зов крови. Обречённые / В. Добрая — «Автор»,
2026 — (Наследие крови)

Я не просил спасения, тем более такой ценой, но эта отчаянная девчонка всё же вмешалась, а потом сбежала, оставив меня с удавкой на шее. Я искал её, чтобы наказать и заставить разорвать эту проклятую связь. Хотел вернуть всё, как было в моей жизни — холодно, пусто и безопасно. А потом, когда взглянул в бездонные карие глаза Танассии и вдохнул запах её кожи, я понял: шансов у нас нет. Мы обречены...

Содержание

Глава 1. Прах и Метка	5
Глава 2. Пламя и Пепел	7
Глава 3. Искры в пепле	9
Глава 4. Тлеющее проклятие	11
Глава 5. Тлен и шелк	14
Глава 6. Прах и объятия	17
Глава 7. Нить и Зверь	20
Глава 8. Удавка и Настойка	24
Глава 9. Пыль слов и ледяные искры	28
Глава 10. Сад, псы и острое жало ревности	31
Глава 11. Бегство в чужие объятия	34
Глава 12. Пеплом по сердцу	38
Глава 13. Отдаваясь воле сердца	41
Глава 14. Следы рассвета на его коже	46
Глава 15. Три дня в царстве ледяных взглядов	49
Гл	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Зов крови. Обречённые

Глава 1. Прах и Метка

Танассия

Пыль. В этой проклятой библиотеке её всегда было слишком много. Она серебристым налётом ложилась на переплеты древних, пахнущих плесенью и тайнами фолиантов, проникала в нос, заставляя чихать, и неприятно скрипела на зубах, как мелкий песок. Но сейчас для меня она стала спасением.

Я забилась в самый дальний угол между шкафом с трактатами по низшей некромагии и стеллажом, целиком посвящённым анатомии нежити. Здесь, в какой-то пыльной щели, я пыталась стать невидимкой, раствориться в тенях и тишине.

Дядя Мортазарт называл эту библиотеку «Исправительной колонией для магически неуравновешенных умов». Сюда он сослал меня после отчисления из академии после инцидента с оживлённым скелетом профессора Алтаира, который, вместо того, чтобы прочитать лекцию, устроил танцевальное шоу в актовом зале. А теперь после провала с дампиром... здесь мне предстояло провести, судя по ледяному молчанию дяди, всю оставшуюся вечность.

Заслуженно ли? Наверное, да... И стоило бы быть благодарной за то, что удалось вовремя унести ноги из поместья, пока Дамиан находился под сковывающими чарами. Он так на меня смотрел...

Я прижала лоб к коленям, обхватив ноги руками. Под кожей на внутренней стороне запястья, прямо над синей жилкой мерцала слабым едва видимым золотым светом метка истинности. Глупейшая детская ошибка неопытной некромантки, которая, растерявшись, вместо того чтобы отпустить поток чужеродной энергии, инстинктивно бросилась следом и привязала его к себе, к своей собственной душе, как якорь.

Я вернула Дамиана к жизни, но вместо должного освобождения обрекла его на еще большие страдания. Я сделала его своим. Точнее не его, а ту сущность, которая по моей вине пробудилась и стала неотъемлемой частью дампира. Я связала нас крепкой нитью, и теперь он чувствовал меня так же, как я чувствовала его далёкий холодный и яростный пульс где-то там, за стенами особняка Мортазарта.

Он ищет меня, но, увы, не для того, чтобы сказать «спасибо», а чтобы разорвать эту связь самым простым и быстрым способом: прикончить.

А дядя... дядя прячет меня не из огромной любви или заботы. Он прячет свой собственный позор. Племянница-неудачница, вылетевшая со скандалом из престижной академии и начертившая метку на бессмертном создании. Я — живое свидетельство его провала как наставника. Как хранителя нашей... какой-то там семейной чести.

В ушах до сих пор стоял его голос, холодный и отточенный, как лезвие гильотины: «Ты, Танассия, — ходячая катастрофа! Твой дар — не благословение, а проклятие, которое ты разбрасываешь, как неопрятный ребёнок крошки. Ты останешься здесь и будешь читать. Будешь учиться контролю, и если твоя метка привлечёт сюда эту тварь, я буду иметь с ним дело».

«Иметь дело». У дяди Мортазарта был очень конкретный подход ко всему. Он не «разбирался» или «говорил», а «решал». Скорее всего, с помощью того самого ритуала рассеяния сущности, который я вчера так неудачно пыталась скопировать. Мысль о том, что моя ошибка приведёт к ещё одному насильственному акту магии, заставила меня содрогнуться.

Я разжала руки и посмотрела на метку. Золотистый свет пульсировал в такт моему учащённому сердцебиению. Это была не просто магическая нить, это был крик моей собственной необузданной силы, вырвавшейся на волю и нашедшей себе жертву. Или...

Нет! Некромантка не может быть возлюбленной высокородного дампира, тем более когда внутри него живет зверь. Она может быть лишь его мишенью или на крайний случай добычей.

Внезапно по спине пробежал ледяной поток мурашек. Предчувствие, вызванное холодком, исходящим от метки. Дамиан уже совсем близко. Он находился где-то за периметром защитных барьеров особняка, но он прекрасно чувствовал мою слабость и холодящую кровь панику. И эти ощущения пробуждали в его звериной сущности охотничий инстинкт, который в свою очередь разгонял по венам возбуждающее предвкушение. Я тоже ощущала эти импульсы, каждый раз сгорая со стыда за неподобающую реакцию своего тела.

В очередной раз пропустив через себя поток чужого негодования, я подскочила на ноги, ощущая удары сердца где-то в районе горла. Отсиживаться здесь — бессмысленно. Метка — мой личный маяк. Мне нужно не прятаться, а... что?

Бежать?

Куда?

У меня не было ни денег, ни связей, только лишь сомнительный дар и клеймо изгнанницы.

Или, может, попытаться научиться его контролировать? Не дампира, конечно, — эту мысль я отбросила с ужасом. Я имела в виду тот самый дар, который в очередной раз не смогла обуздать и всё испортила.

Дядя был прав в одном: я слишком рассеяна и неопрытна. Моя сила лилась, как вода из пробитой бочки, заливая всё вокруг без разбора, а это недопустимо в работе с магическими потоками и некротической энергией.

Собравшись с мыслями, я медленно вышла из своего укрытия и подошла к одному из фолиантов. «Основы фокусировки и волевого канала». Банальщина, которую проходят на первом курсе, и которую я всегда пропускала, потому что мне казалось, что сила должна идти от сердца, а не от какого-то там «волевого канала».

Возможно, в этом и была моя ошибка. У меня всегда было только сердце, полное хороших намерений: оживить скелет для лучшего объяснения материала, например, или вырвать угасающую душу дампира из цепких лап тьмы. Но при этом не было воли, чтобы обуздать стихию, которую эти намерения вызывали. Наверное, время это исправить пришло...

Я взяла книгу в руки, и пыль с её обложки облаком взметнулась в воздух, заставляя меня несколько раз чихнуть. Упрямый червячок сомнения заскрёбся где-то на задворках сознания, но на этот раз я не стала обращать на него внимания. Это был мой шанс. Единственный. И грех было им не воспользоваться!

Где-то вдали за толстыми стенами, заслонённый мощными чарами дяди, но всё ещё различимый для той части меня, которая была теперь навеки отмечена, послышался протяжный полный обещания и ненависти рев. Зверь ждал. Метался, запертый в ненавистной телесной оболочке и жаждущий отомстить за то, что его обрekli на подобные унижения.

Он ждал. А у меня, кажется, наконец-то появилась причина перестать просто бояться и начать учиться. Ради того, чтобы выжить. И, возможно, чтобы однажды посмотреть в глаза своему дяде и сказать не «прости», а «я справилась». Или встретиться с дампиром и... разорвать эту чертову связь самой до того момента, как клыкастая пасть сомкнется на моей шее.

Но для всего этого нужно было начать с самого скучного и самого важного: с начала.

Я открыла книгу на первой главе, и сделала первый, по-настоящему осознанный шаг вглубь своей неумной и очень опасной силы.

Глава 2. Пламя и Пепел

Дамиан

Бесконечная ночь за окнами родового поместья теперь была для меня не уютным покровом, а тюремной робой. Каждая тень на старинных гобеленах и скрип векового паркета были не воспоминаниями, а насмешкой. Здесь, в этих стенах, которые помнили несколько поколений Дарквудов, я теперь был не хозяином, а узником собственного тела, собственной ярости и... метки.

Она горела на груди прямо там, где билось сердце. Не физическая, нет. Это был шрам на самой сущности. Золотистое мерзкое клеймо, которое тянулось невидимой, но прочнейшей нитью к сумасшедшей девчонке-некро... Я даже мысленно не мог выговорить это слово без приступа бешенства.

Она не имела никакого права так поступать!

И она не просто все испортила!

Она меня пометила. Как скот! Как свою собственность! Я, Дамиан Дарквуд, чьё имя веками означало власть, изысканность и холодный расчёт, теперь находился на поводке у сопливой выброшенной из академии неумехи!

Гневно швырнул бокал с остатками холодной крови в камин, и хрусталь разбился о мрамор с мелодичным, издевательским звоном. Это не принесло облегчения. Ничто не приносило облегчения. Только ярость. Густая и чёрная, как деготь, пульсировала во мне, разгоняя кровь по венам.

И виной всему была не только эта бестолковая девчонка! Вина лежала тяжёлым пластом на всех нас: на Дрейвене, на его отчаянной ведьме и на мне самом.

Шел по коридору, и мои шаги эхом отдавались в пустоте до тех пор, пока я не замер напротив двери, за которой расположилась спальня моего младшего брата. Я чувствовал там присутствие ведьмы, как чувствуют запах дыма от далёкого, но опасного пожара.

Лаяна...

Невероятно красивая девушка с очень редким ценным даром...

Она не соврала о своих чувствах, и это, тьма её раздери, я был вынужден признать. Трепетная, глупая преданность читалась в каждом взгляде, который она бросала в сторону моего брата.

Но какая от неё польза?

Их связь — это пороховая бочка. Орден и так уже косо смотрел на наш род после моей оплошности и всей этой историей с проклятием. Если они узнают, что Дрейвен спутался с ведьмой, обладающей силой «пожирателя магии» и не связанной договором с Советом, то нас всех сотрут в порошок.

А её сородичи?

Ведьмы испокон веков тщательно и ревниво оберегали своих дочерей. Если они решат, что было совершено похищение, то сочтут это осквернением их традиций, и тогда нас будут жаждать разорвать с двух сторон.

И всё из-за чего?

Из-за того, что Дрейвен, вечный идеалист и бунтарь, послушался меня. Полез туда, куда не следовало и ввязался в авантюру с тёмными реликвиями. И поплатился частью своей собственной силы, которая теперь тлела в нём, как приглашенное пламя, вместо того чтобы пылать. Он едва мог удержать простейший барьер.

И вместо того чтобы лечить свои раны и каяться, он всячески обхаживал причину своих бед! И смотрел на неё такими глазами, будто она не потенциальная гибель для нашего рода, а спасение.

Каменным изваянием продолжал стоять у двери, сжав кулаки так, что ногти впивались в ладони. Хотелось вломиться и вышвырнуть рыжую вон, а брата встряхнуть за плечи, чтобы в его пустой, влюблённой голове наконец хоть что-то прояснилось, но я не пошевелился, потому что мы не разговаривали уже неделю. С того самого момента, как он покинул мои покои, унося Лаяну на руках. Он был пугающе бледный и обессиленный, но с каким-то идиотским светом в глазах.

«Она спасла мне жизнь, Дамиан», — сказал он мне тогда, как будто это что-то меняло! Как будто одна сохранённая жизнь стоила возможного уничтожения всего нашего рода!

Я отвернулся от двери и пошёл прочь, в библиотеку, единственное место, где ещё оставалось подобие порядка. Но и там меня настигали мысли. Самые горькие. И терзающие душу.

Я винил себя за то, что оказался слишком слабым на тот момент, чтобы помешать началу ритуала, и был измучен проклятием настолько, что понадеялся на помощь девчонки, которую когда-то советовал изолировать от общества!

Я просто хотел, чтобы Танассия провалила обряд, а она его извратила! Чувствовал, как чистый и мощный поток силы Мортазарта, суровый и направленный, столкнулся с её диким хаотичным выбросом. Вместо того чтобы полностью выжечь проклятие, она его изменила, а заодно привязала ко мне себя, как якорь. Вечный позор. Вечная пытка.

От этой мысли ярость вскипела с новой силой. Я схватил со стола тяжёлый фолиант по генеалогии и швырнул его в стену. Бум! Старый пергамент и деревянные панели взвыли в ответ. Мне было мало. Хотелось крушить, рвать, жечь. Превратить это проклятое поместье в груду головешек вместе со всеми его обитателями. С безумной ведьмой, с послушником-братом, с самим собой...

Но больше всего мне хотелось найти Танассию. Вытащить её из-за юбки высокомерного дяди и заставить посмотреть в мои глаза, полные вековой тоски и новой, жгучей ненависти. И заставить убрать эту чёртову метку: криком, болью или угрозой разорвать её душу на клочки — неважно. А потом... потом решить, что с ней делать дальше.

Возможно, просто дать волю этой вечной жажде, что теперь грызла меня изнутри, и оборвать её жалкую, ничтожную жизнь, чтобы больше никто и никогда не посмел опорочить мое имя.

Подошёл к высокому зеркалу в золочёной раме. Оно будто не отражало моего тела — лишь пустоту и слабые очертания комнаты за моей спиной, но я чувствовал себя нового. Каждую частицу этого живого, проклятого существа, поселившегося внутри и жаждущего вырваться на свободу. Так же остро я ощущал и метку — горячую, навязчивую, как мысль, которую нельзя отогнать. Она тянулась куда-то на восток, где укрывался Мортазарт.

— Я найду тебя, девчонка. Не для того, чтобы просто разорвать связь. Нет. Я найду тебя и заставлю пройти через каждый круг ада, который ты мне подарила. Я научу тебя страху, который будет гореть ярче любой магии. Я заставлю умолять разорвать эту метку, а потом покажу, что некоторые связи разрываются только вместе с жизнью, — прошептал в пустоту зеркала, и в глубине моего сознания одобрительно пророкотал зверь.

А, спустя мгновение, я ощутил иной отклик: лёгкий, испуганный толчок по связывающей нити, который означал, что некромантка почувствовала мою ярость и содрогнулась от пробежавшего по ее венам ужаса.

Хорошо. Пусть боится. Ей есть чего бояться.

Глава 3. Искры в пепле

Танассия

Тишина в подzemелье была особенной — густой, вязкой, словно сама тьма застыла смолой. Ее нарушало лишь мое прерывистое дыхание и сухой, шелестящий звук коготков по каменному полу.

«Сосредоточься. Не сила управляет тобой, а ты силой», — мысленно повторяла наставления Мортазарта, от которых сейчас веяло холодной, бесполезной теорией.

Ладони, лежавшие на древнем каменном постаменте, покрылись инеем. Между пальцами вились тонкие, как паутина, струйки тусклого сизого света — видимый признак дара, который я все никак не могла обуздать.

Я смотрела на сломанный кубок, пытаюсь сконцентрироваться. Задача была простой: восстановить связь между разрозненными молекулами и вернуть предмету целостность не физическим, а волевым усилием, тонким прикосновением некротической энергии к самой ткани бытия. Так, как это делал Мортазарт — с холодной, почти скупающей точностью.

Собрав в кулак всю свою волю, я выдохнула и выпустила первый пристрелочный импульс. Синий свет вспыхнул ослепительно, с громким хлопком. Воздух дрогнул. Но кубок не восстановился. Вместо этого от него во все стороны метнулись острые осколки, впиваясь в каменные стены с противным звоном. А на месте, где он лежал, теперь зияла черная, обугленная воронка, из которой сочился едкий дым.

«Опять. Снова. Всегда»...

Отчаяние подступило колом к горлу, уже таким горьким и знакомым. Оно было тяжелее любого гримуара, острее любого клинка. Хотелось кричать, рвать на себе волосы, биться головой о холодный камень — лишь бы заглушить этот голос внутри, нашептывавший, что я — ошибка, брак, опасный выродок, недостойный своего дара.

Из темного угла, где лежала груда старых костей, послышался скрежет. Два небольших скелета, собранных дядей из ласок и ворон, подошли ко мне. Костистый вороненок, которого я втайне называла Краксусом, неуклюже взобрался мне на колено и ткнулся в руку клювом, лишенным плоти, но полным странного, необъяснимого утешения. Ласочка-скелетик Цвик устроилась у моих ног, положив острый череп на правый ботинок.

Они не говорили, а просто были рядом.

Их пустые глазницы, в которых теплились искорки магии Мортазарта, смотрели на меня без осуждения, потому что принимали и такой — неумелой, сбивающейся с толку и даже опасной. И в этой их молчаливой верности была жестокая ирония: единственные существа, дававшие мне покой, были вырваны из объятий вечного сна тем же родственником, мастером того, чему я не могла научиться.

И в этой тишине, нарушаемой лишь поскрипыванием косточек Краксуса, на меня неожиданно навалилось неясное, давящее на создание предчувствие. Оно висело в сыром воздухе подzemелья, словно запах грозы перед ударом молнии, и сжимало виски холодными пальцами, заставляя сердце биться неровно и тревожно.

Беда не просто шла. Она уже стучала в ворота моего хрупкого мира, и я с ужасом понимала, что не смогу ее остановить. Не с такой силой, которая рвется на волю, как дикий зверь, и ломает всё, к чему прикоснется.

А потом... потом я почувствовала притяжение. Тонкое и неумолимое, как леска, впившаяся в самую душу. Она тянулась сквозь толщи камня и расстояния, туда, где меня ждал Дамиан.

Его имя пронеслось в сознании, обжигая и маня. И объятия этого мужчины не обещали дать любовь, страсть или спасение. Нет. От них веяло ледяной негой, бездной и покоем небы-

тия. Избавлением. От дара, от борьбы, от страха, от себя самой. Всего одним, последним, сладким вдохом: смертью.

Я сжала кулаки так, что ногти впились в ладони, пытаюсь перерезать эту невидимую нить болью. Краксус встревожено каркнул безголосым шелестящим звуком. Цвик заскулила, словно чувствуя мою муку.

— Нет, — прошептала, глядя на сизое свечение, все еще клубящееся вокруг пальцев. — Не этим путем.

Яростные слезы наконец хлынули по щекам, оставляя блестящие дорожки на покрытой пылью коже. Я не рыдала в голос, а плакала в безмолвном, сдавленном отчаянии, в котором рождалась не смиренная покорность, а горькая, упрямая злость на свой дар, на дядю, на Дамиана и на весь мир, который требовал от меня контроля, но давал в руки только разрушение.

Я резко подняла голову, стиснув зубы. Сияние вокруг рук пульсировало в такт бешеному сердцебиению, неровно и опасно. Не знала, как это контролировать. Но, может быть, чтобы научиться не разрушать, нужно сначала посмотреть разрушению в лицо? Принять его в себе? Не как конец, а как начало...

Даже если это начало будет выжжено на камне, как черная воронка от сломанного кубка...

Глава 4. Тлеющее проклятие

Дамиан

Коридор особняка был погружен в густую, бархатную тьму, в которой лишь мои шаги отдавались приглушенным эхом по старинному паркету.

Я ненавидел эту тишину.

Ненавидел запах пыли, воска и застоявшейся магии, что витал в воздухе. Но больше всего я ненавидел незримую петлю, сжимавшуюся вокруг моей шеи с каждым часом всё сильнее. Истинная связь и проклятие: два каната, тянущие в разные стороны и грозящие разорвать меня на части.

Направлялся в свой кабинет, намереваясь утопить нарастающее безумие в бутылке старого крепкого вина, которое не могло опьянить, но хотя бы обжигало горло. Но в дверях я столкнулся с Дрейвеном. Он выглядел необычно серьезным и пугающе бледным, а за его спиной мелькнула тревожная тень — его ведьма, Лаяна. Ее большие зелёные глаза, полные сочувствия, которого я не просил, заставили меня ошетиниться.

— Дан, нам нужно поговорить, — голос брата был лишен привычной дерзости, и это настораживало. — Наедине.

Дрейвен вошел за мной в кабинет, закрыв за собой дверь, и прямой тяжёлый взгляд, которым он меня одарил после, не сулил мне ничего хорошего. Впрочем, ничего хорошего после случившегося я уже и не ждал.

— Лаяна провела диагностику, — начал дампир без промедления и предисловий. — Проклятие не уничтожено. Твое сопротивление тогда лишь приглушило его, но... оно тлеет. Как тлеющий уголек в пепле. И медленно прожигает твою душу.

Слова падали, как каменные глыбы, в тишину комнаты, и в этот момент я почувствовал, как что-то холодное и склизкое шевельнулось у меня в груди, в самом нутре, куда даже когти зверя не могли дотянуться. И это была не боль. Это было разложение.

— И что предлагает твоя ведьма? — прошипел я, уже чувствуя очередной подвох. — Новое заклинание? Ритуал с жертвенной кровью?

Дрейвен сглотнул, и его следующий удар оказался точнее и болезненнее:

— Чтобы сдержать его, нужно усилить противовес. Магию истинной связи. Тебе нужно... быть ближе к Танассии. Ее постоянное присутствие, ее энергия — единственное, что может сдержать тление. И, возможно, окончательно ликвидировать его.

Тишина в кабинете стала звенящей. Я видел, как слова Дрейвена формируются в воздухе, и каждый слог был для меня пощечиной. Меня снова приковывали к ней. Делали моё выживание зависимым от дыхания этой девчонки!

— Ты в своем уме? — мой голос прозвучал глухо, демонстрируя степень охватившего меня негодования. — Ты предлагаешь мне пригласить безумную некромантку жить с нами под одной крышей? Впустить ее в свою постель? Может, ещё официально признать ее своей... женщиной?

— Это не предложение, Дамиан! Это диагноз! — выпалил Дрейвен, и его собственное беспокойство прорвалось наружу. — Ты сгниешь заживо изнутри! Или превратишься в нечто, что даже я не захочу видеть!

— А ты не вмешивайся в то, чего не понимаешь! — рык вырвался из моей груди, и я встал, опрокинув кресло. — Ты, который нашел себе уютную игрушку в лице доброй ведьмы, думаешь, что можешь судить о моих связях? Это моя борьба. Мое проклятие. И моя проблема. Я разберусь с ней так, как посчитаю нужным!

— Как? — взорвался Рен. — Свернешь ей шею? И умрешь вслед за ней в муках, потому что ваши души сплетены! Ты слеп, брат! В своем высокомерном гневе ты отказываешься видеть инструмент, который судьба вручила тебе лично в руки! Это шанс, тьма тебя раздери!

Мы стояли друг напротив друга, два дампиря, озлобленные своим бессилием и объятые страхом. Воздух трещал от напряжения. Во мне бушевало все сразу: ледяной ужас от вести Лаяны, пожирающий стыд от этой зависимости, и всепоглощающая, бешеная ярость.

Ярость на Дрейвена, на цыганку, на Мортазарта, на весь мир. Но сильнее всего — на нее. На Танассию.

За то, что она стала моим роком. За то, что мой зверь, этот дикий, темный клубок инстинктов, теперь при мысли о ней не рычал от злости, а издавал протяжный, голодный вой.

Зверь хотел не смерти, а обладания. Полного, тотального, чтобы ни одна частица ее существа не принадлежала никому, кроме меня. Чтобы ее страх, ее ненависть, ее дыхание — все было моим. И это было хуже, чем желание убить. Это было рабство для нас двоих.

— Делай что хочешь, — заявил я, устав от бессмысленного спора и отворачиваясь к окну. — Но снова позволишь себе вмешаться в мою жизнь — пеняй на себя. Я уйду.

— Куда? — в голосе Дрейвена прозвучала тревога.

— К Мортазарту.

Я не стал ждать ответа, а превратился в клубок движущейся тени и выскользнул из поместья. Ночь приняла меня, и я помчался прочь от брата, от его правды и от этой невыносимой обречённости.

Логово чернокнижника, где он проводил большую часть своего времени, находилось неподалёку от его особняка, накрытого защитным магическим куполом, на старом, заброшенном кладбище, где земля была пропитана смертью и магией так густо, что даже воздух был тяжелым и сладковатым на вкус.

Мортазарт, высокий и массивный мужчина, с глазами, как угли в пепле, ждал меня в склепе, превращенном в лабораторию. Запах формалина, сушеных трав и чего-то древнего и зловещего, витал вокруг.

— Дамиан, — его надменный голос вызвал оскомину на зубах. — Я чувствовал твое приближение. В тебе бурлит такая... вкусная дисгармония.

— Мы заключим сделку, — без лишних церемоний заявил я, и моя тень, отброшенная тусклым светом магических кристаллов, заплескала на стенах, демонстрируя серьёзность моего настроя. — Ты отдаёшь мне Танассию и отзываешь свою магию. Навсегда.

Мортазарт хищно оскалился, но в его взгляде уже не было того непоколебимого протеста, как при первом нашем разговоре после ритуала. Вероятно, самоуверенный некромант начал понимать, что бессилён против оплетших наши души чар.

— Танассия не рабыня. Она моя ученица, добровольно пришедшая ко мне. А еще она моя племянница, в венах которой течет древняя сила нашего рода. И ты думаешь, что я просто позволю отобрать ее у меня?

Внутри всё кипело и жаждало убить его. Разорвать на части. Но магия, витавшая в склепе, давила на сознание, как свинцовый саван, и напоминала о том, что здесь и сейчас он сильнее.

— Чего ты хочешь? — прорычал я, уловив в речах Мортазарта главное: он всё же созрел для того, чтобы заключить со мной сделку.

— Каплю твоей истинной сути. Не крови, нет. Лишь частицу той самой связи, что жжет тебя изнутри. Для моих... исследований, — прямо заявил чернокнижник.

Ужасная холодная дрожь пробежала по моему позвоночнику.

Отдать ему это? Сделать нашу связь предметом его безумных экспериментов?

— И в таком случае тыпустишь ее? — уточнил, и собственный голос при этом показался мне чужим.

— Я не стану препятствовать вашей встрече. Но вот захочет ли Танассия пойти с тобой или нет, другой вопрос. Я требую лишь одного: сохранить ей жизнь. Уверен, если у меня в руках будет всё необходимое для исследований и экспериментов, вскоре я найду способ исправить совершенную неопытной девчонкой ошибку.

Сделка висела в воздухе, отравленная и неотвратимая, как приговор. Согласиться — значит отдать часть себя этому служителю тьмы и сделать нашу связь еще более уязвимой. Отказаться — продолжить медленно разлагаться изнутри от тоски, став смиренной добычей у поганой скверны.

Внутренний зверь бился в истерике. Он не хотел ни сделки, ни разумности. Он хотел одного: найти ее, увести силой, заставить признать, заставить... Любить? Нет. Принадлежать.

Чувство было таким острым и физическим, что у меня свело челюсти. Это было не желание, а потребность. Голод, сравнимый с жаждой крови, но в тысячу раз более мучительный.

— Договорились, — выдавил из себя сквозь стиснутые зубы.

Мортазарт победно улыбнулся, и в его глазах помимо триумфа вспыхнули огоньки мародерствующего восторга.

Никогда не сомневался в том, что есть в некромантах некая доля безумия...

Ритуал длился недолго, но он был довольно-таки болезненным. Не физически, а как будто у меня вырывали клоч самого нутра, вытягивали наружу ту серебристую нить, что связывала меня с Танассией, и отсекали от нее микроскопическую часть.

Потом я почувствовал слабость, непривычную и тошнотворную, а потом странную пустоту и яростное усиление тяги. Как будто оставшаяся связь, лишившись кусочка, взвыла от боли и впиалась в меня когтями еще глубже.

— Она в нижнем склепе, — сказал Мортазарт, бережно помещая искрящуюся каплю моей сути во флакон. — И помни, если хоть один волос упадет с ее головы, твои муки будут вечными и не закончатся даже после смерти.

Угрозы чернокнижника я пропустил мимо ушей, охваченный дрожью предвкушения. Я не побежал. Я рухнул вниз, в крошечную тьму, ведомый безумным биением собственного сердца и воющим комом инстинктов в груди. И нашел ее.

Танассия стояла спиной ко мне, разглядывая древние руны на стене, хрупкая и бледная в свете свечи и ее собственного магического шара. И когда она обернулась, а наши взгляды встретились, весь мир схлопнулся до точки.

Ярость, жажда мести, желание сломать ее — всё это бушевало во мне ураганом. Но поверх этого прорывалось нечто иное, дикое и неконтролируемое. Зверь встал на дыбы, требуя не смерти. Он требовал заявить права. Оставить на ней свою метку. Забрать. Обладать.

— Я говорил, что найду тебя, — мой голос прозвучал надрывно и хрипло. — Пришло время отвечать за свои проступки, Танассия.

Сделав шаг вперед, я понял, что Дрейвен был прав: убийство было бы милостью для нас обоих. То, что начиналось сейчас, было чем-то гораздо более страшным и неотвратимым. И единственное, что я чувствовал, глядя в ее широко распахнутые от страха глаза, — это всепоглощающую безумную необходимость сделать ее своей. Навсегда.

Глава 5. Тлен и шелк

Танассия

Особняк Мортазарта давил сверху, своим холодным, рациональным величием. Возвращаться туда, в свою келью-клетку с полками, заваленными трактатами, которые я не могла понять до конца... Нет. К этому я была пока не готова.

Приняв окончательное решение, свернула в боковой тоннель, ведущий не наверх, а ниже, в старые, заброшенные склепы. Здесь пахло застывшим временем, сыростью и забытыми словами. И здесь были руны. Не те, что выводили по линейке в учебниках холеные копиисты, а живые, высеченные чьей-то дрожащей рукой на камне: грубые, интуитивные, полные утраченного смысла.

Я проводила пальцами по выемкам, шепча обрывки фраз и пытаюсь уловить эхо древней силы. Это было моим бегством. Бунтом. Здесь, в царстве мертвых камней, я чувствовала себя менее чужой, чем среди живых пышущих роскошью стен дядиного дома.

Потерявшись во времени, я углубилась в изучение сложного узора, похожего на сплетение корней и вороньих крыльев. Мир сузился до шероховатой поверхности под подушечками пальцев и до тишины, нарушаемой лишь моим собственным дыханием. Я забыла о своих планах, о приказах, об осторожности...

Но в какой-то момент воздух сгустился, насытившись озоном и чем-то еще — диким и горьким, как полынь. По коже пробежал ледяной табун мурашек, но внутри что-то дрогнуло и зажглось незнакомым тревожным теплом.

Я обернулась и застыла на месте, скованная ужасом. Дамиан стоял в проеме арки, залитый скупым светом от светящегося мха. Высокий, статный, словно вытесанный из мрамора мужчина, величественный даже в перепачканной пылью одежде. Его светло-пепельные волосы, длинные и небрежно откиннутые назад, в тусклом сиянии мерцали, как иней под луной.

Аристократичная резкость черт — высокие скулы, твердый подбородок, тонкие брови — казалась работой небожителя или даже самого дьявола. Но глаза... Его глаза заставили мое сердце споткнуться и рухнуть в пустоту. Они были цвета плавленого серебра, жидкого и опасного, и в них светился холодный, хищный интеллект и такая бездонная, древняя ярость, что у меня перехватило дыхание.

Панический животный ужас хлынул в жилы ледяной лавой, и истинная связь сжалась внутри меня тугим болезненным узлом, отозвавшись на его близость диким гулом в ушах и лихорадочной дрожью в костях.

Но был и другой ужас: сладкий и порочный. Тело, предавшее меня, откликнулось на него не желанием бежать, а чем-то иным. Мышцы живота сжались от странной слабости, по спине пробежала волна жара. Я хотела... Хотела, чтобы его глаза смотрели только на меня. Чтобы его руки...

Дампир двинулся на меня, и это движение не было обычным привычным для человека шагом. Это было исчезновением и новым воплощением. Одно мгновение он был там, у арки. Другое — здесь, передо мной, заполняя собой все пространство и отбирая весь воздух.

Я вскрикнула, инстинктивно отпрянув, но спина уперлась в холодный камень стены, а ноги вмиг перестали слушаться и будто выросли в пол.

Зверь, идущий на зов метки, нашел свою жертву и собирался отплатить ей сполна за все свои страдания.

Все его тело, напряженное и твердое, стало стеной передо мной. Его руки уперлись в камень по бокам от моей головы, заключив в клетку из своей плоти и силы. Затем мужчина наклонился, и уткнулся носом в изгиб моей шеи, чуть ниже уха. Я замерла, широко распахнув

глаза и ожидая смертоносного укуса, но Дамиан лишь жадно вдохнул мой запах. Глубоко, с протяжным почти стонущим звуком, вышедшим из глубин его груди.

— Мучительно, — прошептал он, скользя губами по моей коже, и каждое его слово было отдельным обжигающим поцелуем. — Невыносимо прекрасный. Этот запах... Тлена и шелка. Смерти и цветущего шиповника. Только твой. Только ты...

Его слова парализовали сильнее любой магии. Они были проклятием и молитвой, сплывленными воедино.

Властные руки оставили камень. Одна ладонь скользнула вдоль бока от талии к бедру, едва касаясь тонкой ткани моего платья. Каждое нервное окончание от подобной ласки взорвалось сигналом тревоги и томления. Другая рука поднялась к моему лицу. Большой палец грубо провел по моей нижней губе, заставив ее дрогнуть.

— Я обещал себе ненавидеть тебя, — произнес вкрадчиво, перемещаясь губами к виску.

Его голос вибрировал, смешиваясь с бешеным стуком моего сердца, которое, казалось, хотело вырваться из груди и отдаться ему.

— Обещал растоптать эту связь. А теперь... теперь я здесь. И хочу...

Он отстранился не более чем на сантиметр, чтобы встретиться со мной взглядом. В его серебряных глазах бушевал шторм из эмоций: ярость, отчаяние и что-то темное, запретное, от чего у меня закружилась голова.

Пальцы прошлись по линии ключицы, вызвав мурашки и новый приступ дрожи, но уже не только от страха. Одна рука обвила талию, прижимая ещё сильнее, другая вцепилась в моё запястье, пригвоздив его к камню над головой. Его губы коснулись кожи у виска. Не поцелуй. Касание. Обжигающее, исследующее.

— Проклятая девчонка, — прошептал Дамиан, и от его дыхания по всему телу пробежали искры. — Некромантка-недоучка. Из-за тебя... — он замолк, сделав глубокий вдох сквозь стиснутые зубы, будто сдерживая порыв.

Его губы сместились к моей щеке, к уголку рта. Они едва касались кожи, но каждое прикосновение было, словно удар тока.

— Я должен ненавидеть тебя, — горячие и горькие слова пробирались вглубь моего сердца и оставляли там болезненные ожоги. — Я должен разорвать эту связь, вырвать её с корнем, даже если это убьёт нас обоих. Я должен уничтожить тебя за то, что ты посмела со мной сделать.

В голосе вампира сквозила не только ярость, но и боль от безысходности, что сжимала и моё горло. И под этим всем — страсть: тёмная, запретная, пугающая своей интенсивностью.

В какой-то момент мужчина снова отстранился, чтобы ещё раз встретиться со мной взглядом, и теперь сквозь бурю в его глазах я увидела своё отражение — испуганное, раскрасневшееся лицо с полуоткрытым ртом.

— Ты обещаешь мне жестокую расплату? — прошептала я, и собственный голос показался мне слишком хриплым и чужим.

— Обещаю, — прозвучало уверенно, и вампир снова прижался к моему телу, вдавив его в каменную стену, но на этот раз его движения были нежнее.

Губы очертили линию челюсти, лаская чувствительную кожу под ней, и это была обманчивая нежность палача, знающего, что жертва уже в его полной власти. Но в этой нежности была и отчаянная жажда, которая неистово искала насыщения.

— Каждый твой вздох будет мне напоминанием. Каждый стук твоего сердца — оскорблением. И я заставлю тебя платить за каждый миг этой... пытки.

Рука на талии разжалась, скользнула вверх по ребрам, едва коснувшись груди, и снова опустилась, обхватывая бедро, приподнимая мою ногу и прижимая к себе так плотно, что я почувствовала каждую линию его тела, каждую мышцу в напряжении. Между нами не осталось воздуха, только жар, исходивший от нас обоих.

Мой страх не исчез. Он плавился, смешиваясь с чем-то неизведанным, пьянящим и опасным. Я боялась того зверя, что пробудился внутри всегда холодного и надменного дампера, но в то же время все равно жаждала быть рядом с ним. Его холод, его опасность и его боль — всё это было ярче, реальнее любого заклинания и действеннее приказа Мортазарта.

— Дамиан... — с моих губ сорвалась мольба или же это было признанием, осталось для меня не ясным.

Мужчина вздрогнул, услышав свое имя, и в каком-то отчаянном порыве его губы за долю секунды отыскивали мои. И это не был поцелуй. Это было взятие. Завоевание. Наказание и дар одновременно. В нём была горечь его проклятий и сладость нежности, которая прорывалась сквозь ярость. Это было проявлением той самой жажды, на которую я ответила, не думая и повинувшись огню, полыхающему в жилах, и нити, натянутой между нами, вибрируя от единого ритма наших сердец.

Когда мужчина отстранился, прервав поцелуй, мы оба дышали тяжело и неровно. Его лоб упёрся в мой, и глаза, всё так же наполненные серебром, только теперь ещё более темные, заглянули мне прямо в душу, вышвыривая оттуда все планы и желания, отдельные от него.

— Ты идешь со мной, — сказал, и это был не вопрос, а приговор или обещание. И начало расплаты, которая в его объятиях казалась не гибелью, а единственно возможным исходом.

И я, всё ещё пригвожденная к стене его телом и волей, согласно кивнула.

Глава 6. Прах и объятия

Дамиан

Как я сумел сдержаться?

Как не впился клыками в пульсирующую жилу на ее шее, где стучала, сводящая с ума, живая кровь?

Как не взял ее прямо там, на холодном полу среди костей и забытых имен?

Я не знал ответов.

Когда увидел ее в тусклом свете свечи, склонившуюся над рунами, это был не просто взгляд. Это было падение. Я увидел ее будто впервые. Не как навязанное проклятие, не как инструмент, не как проблему, а как... женщину...

Стройный стан, где изящные изгибы талии вздымались к округлым, аппетитным бедрам и высокой, упрямо поднятой груди. Копна волос, чернее самой глубокой тьмы, рассыпалась по плечам живым, бунтарским водопадом. Лицо... Раздери меня тьма, это лицо... Овальное, с мягким подбородком и высокими скулами, по которым так и хотелось провести пальцем. Пухлые, сочные губы, приоткрытые от сосредоточенности или страха. И глаза цвета горького, выдержанного шоколада, в которых хоть и плавился испуг, но в то же время тлел дерзкий протестующий уголек, который заставил мое почти уже мертвое сердце сжаться в странном, давно забытом спазме.

В тот миг, когда я прижал ее к стене, вдыхая, осязая и почти вкушая, я ненавидел ее. Ненавидел за эту власть надо мной. Ненавидел за то, что она была здесь, живая, теплая, пахнущая жизнью и тайной, недоступной моему сознанию. Ненавидел за то, что мое спасение было заточено в оболочке, которая сводила меня с ума! Но все эти терзания потом. Главное — поскорее оказаться подальше от этого места.

Мы вышли на поверхность через полуразрушенный склеп-выход. Ночной воздух кладбища ударил в лицо запахом сырой земли, увядших цветов и вечной, неподвижной пыли. Луна, бледная и равнодушная, освещала ряды надгробий, будто намекая на предательство.

Поганый чернокнижник! Не появился лично, конечно, но его тяжелое и гнетущее присутствие ощутимо висело в пространстве.

— Нарушаешь сделку, старина, — пробормотал я, чувствуя, как по спине побежал холодок — явный предвестник битвы.

Они поднялись резко и неожиданно. Встали из-под земли, вышли из-за тени кипарисов. Его стражи. Не просто ожившие трупы. Это были изуродованные души, заточенные в искусно сшитую плоть, усиленную черной бронёй и костяными шипами. Глаза их горели тусклым зеленым огнем послушания. Шестеро. Может, больше.

Танассия замерла рядом, и ее дыхание участилось. Я почувствовал волну паники по той самой проклятой связи — острый болезненный укол в сознание.

— Стой сзади, — процедил сквозь зубы, не глядя на девчонку. — И не вздумай вмешиваться, а то вытворишь ещё похуже что-то!

Первый страж напал с тишиной змеи. Я метнулся навстречу, уклоняясь от удара когтистой лапы, обернутой ржавой кольчугой. Мой собственный клинок, короткий и узкий, выскользнул из ножен с уверенным свистом, и первая душа с визгом покинула сшитое тело, когда лезвие пронзило грубый шов на груди.

Но их было много. Они двигались с немыслимой для нежити слаженностью. Двое атаковали спереди, третий заходил сбоку, четвертый пытался схватить Танассию. Я оттолкнул ее за спину к массивному надгробию и принял удар шипастой палицы на предплечье. Кость треснула с отвратительным хрустом. Острая боль пронзила тело, и я зарычал, но не от боли, а от

очередного приступа ярости. От того, что этот пакостный мерзавец посмел угрожать тому, что теперь стало... моим.

Я сражался как одержимый: рубил, рвал, отбивался. Моя скорость была моим главным оружием, но этих тварей повыползло на поверхность слишком много. Их чары замедляли меня, словно воздух превращался в тягучую смолу.

Один из стражей вонзил костяной коготь в мой бок. Другой — ударил по ноге, заставив споткнуться. Я упал на одно колено, отрубая налетевшей твари руку по локоть, но почувствовал, что мои силы на исходе.

Проклятие внутри, эта глеющая язва, саботировала меня, высасывая резервы и не давая телу вовремя восстановиться.

Из-за спины доносилось частое, прерывистое дыхание Танассии. Я краем глаза видел ее, прижавшуюся к камню: глаза огромные от ужаса, руки сжаты в кулаки у груди. Она смотрела на эту бойню, на мое постепенное проигрывание, и в ее взгляде был не просто страх, а отражение. К этому месту. К этой схватке. К моему... унижению.

В какой-то момент что-то внутри нее екнуло. По связи ударила волна, но уже не паники, а яростного, чистого отрицания. Отрицания этой несправедливости, власти дяди, отрицания самой возможности моего поражения здесь и сейчас.

— ХВАТИТ! — ее голос прозвучал не как крик, а как приговор, тихий, но прорезавший грохот битвы, как раскаленный клинок. Некромантка взмахнула руками, и мир вокруг замер.

Нежить, все шесть фигур, просто... остановились. На долю секунды, а затем без звука, без вспышки они рассыпались, обратились в мелкий, теплый пепел, который осел на мокрую землю и засыпал мраморные плиты. Тишина наступила оглушительная, даже ветер стих.

Я стоял, тяжело дыша и чувствуя, как кровь сочится из моих ран, а сломанная кость ноет. перевел ошарашенный взгляд на Танассию и понял, что она сама ошеломлена случившимся. В ее глазах читался шок от содеянного и... освобождение.

Сила, вырвавшаяся из неё, была не аккуратной и степенной магией некрманта. Это было нечто иное: древнее и дикое, как сама смерть, внезапно обретшая голос.

Всё закончилось. Мортазарт уже знал о поражении, и его гнев совсем скоро обрушится на это место с удесятеренной силой.

Не думая, движимый инстинктом, болью и чем-то новым, жгучим и невероятным, я шагнул к девчонке. Отшвырнул клинок, и он вонзился в землю, как окончательно поставленная точка в этой битве. Затем схватил некрмантку за плечи, ощутив, как она вздрогнула от этого прикосновения. Не дав ей опомниться и опережая возможный протест, я притянул ее к себе и обвил стройную фигуру руками, почувствовав, как девичье сердце бешено заколотилось о мою грудь.

— Держись, — прошептал хрипло ей в волосы, позволяя себе вдохнуть их дурманящий аромат, теперь смешанный с запахом пепла и крови.

Собрал остатки силы, не физической или подаренной зверем, а той, что дремала в глубине дампирской сущности — древнюю магию теней и пространства. Темнота вокруг нас сгустилась, закрутилась, став осязаемой, влажной и холодной. Туманная дымка окутала нас, отрезав от мира кладбища и от вскрика, который, как мне показалось, Танассия все же издала.

И мы провалились сквозь ткань реальности. Сквозь боль и пепел. Сквозь невозможность того, что только что произошло. А потом материализовались в бальном зале нашего с братом поместья. В безопасность, которая отныне была иллюзией. Я выпустил Танассию из своих объятий, отшатнувшись, и едва удержался на ногах. Раны зудели болью, а голова кружилась от перегрузки.

Некрмантка стояла рядом, такая бледная, дрожащая, с разметавшимися черными волосами и глазами, в которых бушевала целая вселенная эмоций.

На ее щеке и шее остались следы пепла, в который она обратила армию мертвецов. И я смотрел на нее. На эту хрупкую, дерзкую, невероятную девушку, которая была моим проклятием и моим спасением. Танассия только что проявила силу, о которой, возможно, даже не подозревала. Или подозревал ее расчетливый дядюшка. И в этот момент я осознал, что привел в свой дом бурю: опасную и неудержимую.

Глава 7. Нить и Зверь

Танассия

Странно, как тихо может быть в чужом доме. Особенно в таком огромном и старинном. Я сидела на краю кровати с высоким резным изголовьем, и мои пальцы впивались в бархатное покрывало.

Всё здесь было чужим: тяжелые портьеры цвета выдержанного годами вина, мрачноватые гобелены на стенах, даже воздух пахнул незнакомо — пылью веков, сушеными травами и чем-то металлическим, холодным, как кровь.

Я уже не сожалела, и эта мысль билась внутри, как птица о стекло. Не сожалела о бегстве с кладбища, даже о той страшной, нелепой ошибке на обряде исцеления, что навеки связала меня с существом из ночных кошмаров.

Какой был смысл в этом пустом сожалении?

Я сделала выбор тогда и сейчас, и теперь должна была принять последствия своих опрометчивых решений.

Но от этого осознания не становилось легче. Плотное и беззвучное одиночество сжималось вокруг. Я смотрела на свои руки, которые по неопытности и глупой жалости сплели истинную связь, и понимала, что наказание было не в изгнании. Оно было здесь, во мне — тонкая, невидимая струна, натянутая где-то под грудной клеткой, ведущая в темноту, к Дамиану.

Его образ стоял перед глазами: бледное, искаженное болью лицо, светлые волосы, слипшиеся от пота и крови, неестественный блеск глаз в лунном свете кладбища... И сила — дикая, сокрушающая, с которой он перенес нас сквозь пространство, едва не рассыпавшись на части. Даже будучи раненным, он был опасен. И теперь он стал моей ответственностью.

Легкий стук в дверь заставил меня вздрогнуть, но я взяла себя в руки и хрипло произнесла:

— Войдите.

Дверь открылась беззвучно, и в комнату вошла Лаяна. Я слышала об этой ведьме еще от Дрейвена в тот момент, когда перед обрядом он пытался быть со мной любезным. Тогда эта неопишуемой красоты девушка была лишь жертвой, обречённой на гибель. Сейчас же она — полноправная хозяйка этого дома и возлюбленная младшего брата Дамиана.

Как всё же непредсказуема судьба... Или мы просто упорно не видим ее путеводных знаков до тех пор, пока не упрёмся лбом в предначертанное свыше?

— Танассия, — голос Лаяны был низким и мелодичным. — Можно к тебе?

Я кивнула, и ведьма прошла вперед, предварительно прикрыв за собой дверь. Она не стала присаживаться в стоящее неподалёку от кровати кресло, а остановилась у камина, в котором тлели угли.

— Я пришла поговорить о Дамиане, — сказала она прямо, и ее взгляд был открытым, хоть и оценивающим. — И о тебе.

— Я слушаю, — скрестила руки на груди, не ожидая от предстоящего разговора ничего хорошего.

— Дрейвен волнуется. И я тоже. — Лаяна положила тонкую руку на каменную полку, и в этом на первый взгляд изящном движении всё же различалась осторожность. — Истинная связь — это не просто договор. Это слияние судеб на уровне душ и магии. То, что происходит с одним, отзывается в другом. Боль, ярость... жажда.

Последнее слово она произнесла тише, и по моей спине пробежал холодок.

— Я понимаю, что произошло, — ответила, пытаясь звучать твердо. — И я здесь, потому что готова ответить за последствия.

— Последствия. — Лаяна повторила, и в ее глазах мелькнула тень печали. — Танассия, пойми, всё не так просто. Если Дамиан потеряет контроль над своим... внутренним зверем, если он упадет целиком во тьму, ты последуешь за ним. Твоя душа, твоя магия, твоя жизнь — все будет втянуто в вихрь его падения. И наоборот. Твоя нестабильность, страх и твоя боль — все это ослабляет его, ранит, лишает и так шаткого равновесия.

Ее слова повисли в воздухе гнетущим напряжением, потому что хоть я и знала теорию истинных связей, но слышать это применительно к себе, к моей жизни было очень непривычно и пугающе.

— Чего же вы с Дрейвеном от меня хотите? — спросила надрывно, стараясь утихомирить нарастающий в сознании гул отчаяния.

— Терпения, — ответила Лаяна, и ее взгляд смягчился. — Дамиан... он очень упрям и суров, и он борется каждый миг. Сейчас, после ранения, после использования силы для телепортации, он особенно уязвим. Зверь в нем рвется наружу. А ты... ты для этого зверя теперь самый мощный магнит. Ему будет тяжело просто находиться рядом, поэтому он может быть резок, холоден и даже жесток, но это не его истинное лицо, а лишь проявление его внутренней битвы.

— Вы просите меня терпеть его жестокость? — в моем голосе прозвучала горечь протеста и обиды.

— Я всего лишь прошу тебя видеть за ней человека, который цепляется за свою человечность когтями и зубами, — ее голос приобрёл требовательные нотки. — Ради него. И ради себя. Прояви понимание. Не провоцируй. Дай ему время приспособиться, собраться. Дай время нам всем найти способ... если не разорвать, то хотя бы облегчить эту связь или сделать ее менее разрушительной.

Мы смотрели друг на друга — горе-некромантка, запутавшаяся в собственных способностях, и отчаянная ведьма, защищающая свою новую семью, которую полюбила. Между нами стояла стена недоверия, но была еще и тонкая нить общего интереса: сохранить тех, кто нам дорог.

— В поместье есть библиотека? — спросила, меняя тему, потому что мне нужны были факты, знания, а не эмоции. — Книги по ритуалистике или по редким видам магических связей? Некромантия?

Лаяна слегка наклонила голову, будто видя мою уловку, но принимая ее:

— Есть. И в ней собраны записи многих учёных и практиков. Эти книги действительно могут быть полезны, но постарайся не делать поспешных выводов, чтобы не совершить еще более серьезную ошибку.

— Дамиан позволит мне туда войти? — уточнила, решив не заострять свое внимание на обидном, но вполне уместном в моем случае предупреждении.

— Я поговорю с ним, — пообещала ведьма. — И о библиотеке, и о твоём свободном перемещении по дому. Ты не пленница здесь, Танассия. Ты... гостья со сложным статусом. Постарайся помнить об этом.

Лаяна ушла так же тихо, как и появилась, оставив после себя легкий аромат шалфея и цветущей вишни. Наш с ней разговор, конечно, не принес утешения, но хотя бы дал почву под ногами. Были правила, и была цель — найти способ ослабить связь или научиться с ней жить, не уничтожив друг друга. Всего то...

А потом наступила ночь.

Глубокая, всепоглощающая, тихая ночь вдали от суетливого города и безразличной пустоты владений Мортазарта. Глубоко вздохнув, я легла в огромную холодную постель, уставившись в потолок. Одиночество вернулось, усиленное тишиной. И тогда я почувствовала ее.

Нить.

Она не была метафорой. Это было физическое ощущение: тугая, вибрирующая струна где-то в центре моего нутра, натягивающаяся и дрожащая. По ней текли волны чего-то горячего, темного, животного. Жажды. Неутоленной, всепожирающей. И боли. Словно кто-то вонзал в мое нутро раскаленные иглы.

Я вцепилась в простынь пальцами, сжав зубы. Я понимала, что всё это шло от Дамиана. Он боролся, и он проигрывал...

Желание накатывало волной, заставляя мое тело изгибаться. Не мое желание, а его. Зверя в нем. Желание обладать, присвоить, вкусить, сломать и поглотить. Оно было настолько примитивным и мощным, что у меня перехватило дыхание.

По коже побежали мурашки, а низ живота сжался странным, чужим спазмом. Мне было страшно и стыдно, потому что где-то в глубине, под этим навязанным ужасом, шевельнулся отклик: темный, смутный, взывающий к той части моей некромантской сути, которая понимала голод и вожделение к жизни в любом ее виде и проявлении.

Дверь в спальню распахнулась резко и без стука.

Дампир стоял на пороге, залитый серебристым светом луны из высокого окна в коридоре. Высокий, как тень, одетый лишь в черные штаны. Некоторые повязки на его теле уже были сорваны, обнажая багровые, начавшие заживать раны. Его волосы были в беспорядке, а глаза...

В них пылал ад.

Не метафорический. Буквальный. Мерцающий серебристо-янтарным светом, исходящим изнутри и сжигающим всё человеческое. Мужчина дышал тяжело, почти рыча, и каждое движение его мускулов было напряжено, как у зверя перед прыжком.

— Прикажи... — прошипел Дамиан, и голос его был будто раздвоенным: низкий, человеческий бас и сверху — скрежещущий, хриплый рык. — Закрой дверь. Прикажи... прикажи мне уйти!

Он требовал, но я не могла пошевелиться. Нить между нами звенела, натянутая как тетива, и я чувствовала его борьбу так же ясно, как свою. Дампир впился пальцами в косяк двери, и дерево затрещало, по нему пошли трещины.

— Дамиан... — в ужасе прошептала я, осознавая свою скорую гибель или чего-то более страшного.

Ведомый животным инстинктом, Дамиан шагнул вперед, и дверь захлопнулась за ним сама собой, подчиняясь всплеску его силы. Комнату наполнила тяжелая сладковато-металлическая энергия.

— Не произноси мое имя, — мужчина замер в нескольких шагах от кровати, и его лицо исказилось в мучительном противоречии. — Не дыши так громко. Не смотри... Тьма, не смотри ты на меня так...

Он говорил будто с самим собой. С тем, кто внутри. И в этом общении зверь требовал, а человек отчаянно сопротивлялся.

— Я ничего не делаю, — просипела, прижимаясь к изголовью кровати. Страх сковывал горло и все мышцы.

— Ты существуешь! — взревел в ответ, и в его голосе остался только рык.

Он сделал еще шаг, и теперь я видела, как дрожали его руки, как когти — длинные, острые, черные — то появлялись, то исчезали на его пальцах.

— Ты здесь. Теплая. Живая. Настоящая. Моя... — последнее слово прозвучало как окончательный приговор.

Дамиан рухнул на колени у кровати, как подкошенный, вцепившись руками в край матраса. Его голова была низко опущена, плечи тряслись. Мучительное зрелище...

— Не могу... — слышался уже сдавленный, человеческий стон, полный отчаяния. — Умоляю... вели мне уйти. Прикажи на правах истинной. Используй связь! Черт...

Я поняла, о чем он просил: о милости. О том, чтобы я использовала власть, которую давала мне эта проклятая нить, чтобы оттолкнуть его. У меня оказывается была эта сила, но...

Медленно протянула к дампирю свою руку. Не тронула его, просто положила ладонь в воздухе между нами, чувствуя исходящий от его тела жар.

— Нет, — тихо произнесла, снова принимая поспешное и, возможно, абсолютно неверное решение.

Его голова резко поднялась. В безумных глазах мелькнуло недоумение.

— Я не стану приказывать тебе, — несмотря на сомнения, мой голос прозвучал уверенно. — Ты борешься. Так борись дальше! Но я не буду твоей надзирательницей или той, кто тебя наказывает. Если ты возьмешь меня, это будет не выбор зверя, а твой, и я его приму. Потому что именно я виновата во всём этом. Прости...

Это была безумная авантюра, но в тот миг я искренне ненавидела истинную связь больше, чем что-либо за то, что она делала нас марионетками в лапах у примитивных инстинктов. И я отказывалась играть по ее правилам!

Дамиан смотрел на меня, и в его глазах бушевал поток воюющих между собой эмоций. Ярость, голод, боль... и проблеск осознания. Может, уважения? Невозможно было точно понять.

Мужчина резко отстранился, словно обжегшись, и отполз к стене, прижавшись к холодному камню спиной. Он закрыл лицо руками, и из его груди вырвался длинный, похожий на скрежет звук, нечеловеческий, полный муки.

— Тогда... молчи, — пророкотал он в ответ. — И не подходи ко мне, а то пожалеешь.

И мы просидели так до рассвета: он, прижавшись к стене в агонии своей битвы, я — на краю кровати, наблюдая, как тьма за окном постепенно сменяется светом.

Нить между нами то натягивалась до боли, то слегка ослабевала, но не рвалась. Она никогда не порвется. А когда первые лучи утра упали на пол, Дамиан без слов поднялся на ноги. Его глаза потухли, став темными, лишь с остаточной серебристой рябью на дне. Он был истощен, бледен как мел, но контроль вернулся. Сделав один единственный короткий кивок, будто выражая скупую благодарность, дампир вышел, оставив дверь открытой.

И я осталась одна, наедине с тугой, болезненной нитью в груди. С пониманием, что следующая наша встреча может оказаться последней, если контроль будет потерян окончательно. Поэтому мне срочно нужна была библиотека. И хоть какие-то ответы. Любой шанс.

Иначе зверь рано или поздно возьмет свое, и мы оба погибнем или же...

Глава 8. Удавка и Настойка

Дамиан

Рассвет застал меня в коридоре, прислонившимся к холодной каменной стене напротив её двери. Каждый мускул горел, челюсти были сведены так, что, казалось, вот-вот треснут зубы. В ушах до сих пор стоял низкий непрекращающийся вой зверя, запертого в клетку из моей плоти. Клетка устояла. На сей раз.

Внутри царила тишина, измотанная, зыбкая. Зверь, шипя и скалясь, отполз в самые потаенные глубины и пока не рвался на волю с прежней яростью. Не потому, что насытился или покорился, а потому, что я нашел действенный рычаг давления.

Её смерть.

Решение было ясным, холодным и логичным. Если невыносимая тяга и пожирающая разум жажда не ослабнут — я сверну шею этой девчонке. Своими руками. Прерву истинную связь самым окончательным из возможных способов. И тогда мы все — я, она и этот проклятый зверь во мне отправимся прямо в преисподнюю на поклон к самой Смерти. Пусть она разбирается с тем, что мы натворили.

Угроза сработала. Не на зверя, ведь тому чужды концепции самоуничтожения. Она сработала на меня. Дала опору. Крайнюю, ужасающую, но опору. Пока я мог держать в уме этот безупречный, жестокий план, я мог дышать. Мог заставить ноги двигаться, оттолкнуться от стены и, не оглядываясь на дверь, пойти прочь.

День прошел в бледной, напряженной имитации нормальности. Отчеты. Планы. Холодная, деловая беседа с Дрейвеном, в которой я видел немой вопрос в его глазах, но не давал вырваться наружу ни единому слову о ночи и о Танассии. Я избегал даже мыслей о её имени. Оно было крючком, за который могло уцепиться всё, что я так тщательно подавлял.

Но к вечеру напряжение, накопленное за недели с момента того проклятого обряда, стусилось в тупую, физическую боль у основания черепа. Это была знакомая тяжесть — тяга к простому, примитивному, животному способу сбросить пар. Раньше, до неё и до болезни, это работало. Был отлаженный, безэмоциональный ритуал: просто близость, лишённая каких-либо либо высоких чувств и обязательств.

Напряжение копилось. Оно сжималось в грудной клетке горячим, тяжелым шаром. Зверь, сдерживаемый угрозой, тоже не дремал. Он нашептывал, напоминал о каждой детали: как пахнут ее волосы — пергаментом, травами и шелком; как бьется ее сердце — часто и взволнованно, когда я рядом; как выглядит изгиб ее шеи...

Мне нужно было сбросить это. Любым способом. Обычным, человеческим, пусть грязным, но простым.

Уже на протяжении долгого времени в поместье не устраивались шумные приемы и не проводились деловые встречи в компании умелых девиц, способных сделать мужской разговор более приятным и непринуждённым. И сейчас точно было не то время, чтобы возвращать эти традиции. Но в доме всегда топтались служанки, готовые услужить своим хозяевам любым способом.

Одну из них — русоволосую, с пышными формами и наглым взглядом — я за эти дни замечал возле себя не однократно. Она не отводила глаз, когда я проходил мимо, будто ждала приглашения. И сегодня вечером, когда темнота снова начала давить на виски, я нашел ее в кладовой у кухни.

— Господин? — ее глаза широко распахнулись, и в них вспыхнул вовсе не страх, а предвкушение.

— Молчи, — отрезал я, и мой голос прозвучал пугающе хрипло.

Я прижал ее к прохладной каменной стене и склонился лицом к шее, пытаясь вызвать в себе хоть что-то, кроме ледяной, расчетливой необходимости. Ее запах — мыло, пот, дешевые духи. Не тот! Ее сердцебиение — частое, возбужденное. Не то!

— Господин, я... я всегда... — начала сбивчиво шептать, и тогда зверь проснулся.

От него исходил не просто гнев, а абсолютная ярость первобытного отвращения. Он взревел у меня в черепе с такой силой, что я отшатнулся, едва не оглохнув. Руки сами собой сжались в кулаки, когти впились в ладони до крови. В глазах поплыл кроваво-золотой туман.

«НЕТ! НЕ ОНА!» — стучало в висках барабанной дробью, и мое собственное тело стало мне враждебным. Мутило. Даже прикосновение ее платья к моей руке, казалось, вызывало болевой тошнотворный спазм. Я смотрел на испуганное, растерянное лицо служанки и не видел ее. Видел лишь чужое, ненужное, оскорбительное присутствие рядом. Слишком близко. Неправильно.

— Убирайся, — рявкнул, и в голосе эхом отозвался предупреждающий рык. — И если хоть слово кому-то скажешь...

Девушка не дослушала мою угрозу до конца, вырвалась и убежала прочь, задыхаясь от страха.

Я остался один в полумраке кладовой, опираясь лбом о холодный камень. Дрожал. Не от желания, а от бессильной, унижительной ярости. Зверь диктовал мне не только что хотеть, но и чего НЕ хотеть! Этот чёртов подселенец отнял у меня даже жалкую иллюзию нормальности, лишил животной разрядки! Он сузил мой мир до одного человека. До нее.

Отчаяние, черное и густое, как деготь, поднялось из самых глубин. Я хотел вернуться к своей жизни, в которой был Дамианом, уважаемым аристократом и суровым директором магической академии, а не лишённым рассудка рабом инстинктов, привязанным к юной некромантке, как цепной пес.

Но зверь не просто бунтовал. Он устраивал погром и топтал всё внутри, требуя своего. Её. Только её. Её тихие шаги по коридору. Запах пергамента и ночных цветов в её волосах. Звук её дыхания, прерывистого от страха или сосредоточенного в изучении заклинания. Даже этот едва уловимый, горьковатый привкус некротической энергии, который витал вокруг неё, теперь пах для меня не смертью, а... жизнью. Единственно возможной жизнью.

И самое ужасное было в том, что и я этого хотел. Не только зверь, а я — Дамиан. Холодный самовлюбленный вампир, который никогда не заикливался на одной женщине и с легкостью избавлялся от того, что доставляло мне неудобство. Теперь единственной реальностью и единственным магнитным полюсом в моём разрушенном мире была она. Танассия, тьма ее раздери!

Я рухнул в кресло у камина, схватившись за голову. Удавка затягивалась. Угроза убийством была палкой о двух концах. Она сдерживала зверя, но не отменяла желания, делая его более мучительным, ибо теперь оно было окрашено тенью смерти, которой я отважился угрожать.

Так жить было нельзя. Я сходил с ума, понимая, что это безумие рано или поздно погубит нас обоих. И тогда я вспомнил о нашем недельной давности разговоре с Дрейвеном, который тогда положил передо мной на стол небольшой флакон с каким-то снадобьем.

— Это из ведьмовской лавки, — сказал он, избегая моего взгляда. — Настойка. Она не блокирует связь, но... усыпляет ту часть, что наиболее агрессивна. Дает передышку и позволяет мыслить.

Тогда я взглянул на флакон с таким презрением, что брат содрогнулся. Все эти зелья и снадобья, словно костыли для слабых. Я всегда полагался только на свою силу и свою волю. Принять помощь, да еще такую... химическую, было равносильно признанию поражения. Но сейчас я был побежден. Окончательно и бесповоротно.

Обречённо выдохнув, я встал с кресла и подошел к потайному отделению в письменном столе. Флакон лежал там, холодный и осуждающий. Сквозь хрусталь просвечивала жидкость цвета черного чая с мерцающими золотыми искорками.

Принципы? Гордость? Что они значили перед лицом этого всепоглощающего хаоса? Что они значили, если единственной альтернативой было: либо труп молоденькой девчонки, либо моё окончательное падение?

Без дальнейших раздумий я вытащил пробку и выпил содержимое залпом.

На вкус густая жидкость оказалась как пепел и полынь, с легкой примесью мёда и меди. В первые секунды ничего не произошло, но потом тяжелое тепло разлилось от желудка по всему телу. Достаточно неприятное ощущение, похожее на то, словно внутрь меня залили жидкий свинец.

А потом... тишина.

Настоящая. Не измученная, не выстраданная, а глубокая, бархатная и, казалось, давно забытая. Тот навязчивый гул на заднем плане сознания, вечный спутник последних недель, стих. Давящее присутствие в каждой клетке, постоянное напряжение в челюсти, в кулаках — растворилось. Я сделал глубокий вдох, и воздух впервые за долгое время не пах ею. Он пах просто воздухом — холодным, с пылью и дымом из камина.

Я подошел к окну и оперся лбом о ледяное стекло, за которым раскинулись равнинные просторы, некогда вселяющие в сознание чувство ясности и контроля. Я смотрел на них и... просто видел огороженную высокой изгородью территорию. Не символ своей тюрьмы или свободы, не фон для внутренней драмы или семейного счастья, а просто место, которое я раньше считал своим домом.

Это было чудо. Но это было и поражение.

Я продал часть своего контроля за эту тишину. Принял костыль. Но, всеильная тьма, какое это было облегчение! В этой тишине я мог наконец подумать. Не как зверь, не как одержимый, а как Дамиан. Как хозяин этих земель, как старший брат, как обычный человек, чья жизнь оказалась прикована к жизни другой.

Я не знал, сколько продлится действие зелья и какой ценой оно обернется позже. Но у меня был шанс: небольшой, хрупкий просвет во всем этом безумии. Шанс поднять голову, оглядеться и, возможно, найти другой путь. Не путь угроз и насилия, а что-то иное.

Вернуться к прошлой жизни, конечно, было уже невозможно. Она была сожжена дотла этой связью и прошлыми ошибками. Но в этой тишине, купленной ценой своей гордости, я впервые позволил себе подумать: а может, и не нужно возвращаться?

Может, нужно попытаться построить что-то новое? Что-то, что не будет ни прежней беззаботной жизнью, ни адом одержимости...

Я отвернулся от окна и взглянул на дверь, ведущую в коридор. Туда, где в своей комнате, наверное, тоже терзалась в мучительных сомнениях она. Моя некромантка. Моя истинная. Мое проклятье и мой... шанс.

Впервые за много дней я не чувствовал к ней слепой ярости или всепоглощающей жажды. Только тяжелую, бесконечно сложную реальность, которую нам предстояло разделить. И в тишине, дарованной зельем, это не казалось немедленным приговором. Это казалось самой трудной в моей жизни задачей.

Я сел обратно в кресло, закрыл глаза, и в непривычной тишине своего разума начал строить планы. Завтра я смогу войти в ее комнату, не боясь, что мои руки сами потянутся к ее горлу или талии. Возможно, даже смогу поговорить с ней о книгах или о бунтующей силе, не слыша в ушах рев крови. Я смогу притвориться нормальным, чтобы дать нам обоим надежду на то, что у нас есть время, и что мы найдем выход.

Но в глубине этой искусственно созданной тишины, в самой сердцевине только что принятых решений, шевелился холодный, неумолимый вопрос: что будет, когда действие зелья закончится?

Глава 9. Пыль слов и ледяные искры

Танассия

За неделю я выработала чёткий ритуал. Утром — подъем, купание в прохладной воде под душем и тщательное одевание. Платья, отобранные в гардеробной и перенесённые в мою спальню, были немного старомодны, а некоторые из них и вовсе слишком вычурны для повседневной носки, но я радовалась тому, что хотя бы не пришлось ходить в одном и том же наряде, затаскивая и застирывая его до дыр.

После одевания следовал завтрак в своей комнате, принесенный молчаливой, испуганной служанкой. Потом — долгий путь по бесконечным коридорам в библиотеку.

Я всегда шла быстро, с прямой спиной и чуть приподнятым подбородком. Взгляд — прямо перед собой, ни на кого не отвлекаясь.

Я научилась не замечать испуганные или осуждающие взгляды слуг, не вздрагивать от скрипа открывающихся дверей. Страх был со мной всегда, как верный спутник, сидящий на плече и шепчущий на ухо о каждом теневом изгибе, о каждом шорохе за спиной. Но я сжимала его в кулак глубоко в кармане платья, и притворялась, что его нет. Гордость и дерзость были моим щитом.

Если ты выглядишь так, будто все вокруг должно тебе подчиняться, иногда в это начинают верить даже стены.

Библиотека же стала моим убежищем и полем битвы одновременно. Это была комната величиной с огромный зал, уставленная до потолка темными дубовыми стеллажами. Воздух пах старым пергаментом, пылью и высушенными травами, которыми перекладывали фолианты от моли. Здесь я чувствовала себя чуть увереннее. Здесь были ответы. Или хотя бы достаточно сложные вопросы, позволяющие на время забыть о собственной незавидной участи и о ситуации в целом.

Я погрузилась в изучение манускриптов по оккультным связям. Тексты были старые, некоторые — написанные на почти забытых диалектах со странными символами на полях. *«Узы Пламени и Тени»*, *«Симбиоз душ: теория и практика принудительного слияния»*, *«Истинная связь: дар или проклятие богов?»*. Последнюю я перечитывала уже в третий раз, вдумываясь в каждое слово.

Автор, некромант по имени Алтаир, писал с циничной прямоотой: *«Истинная связь не выбирает. Она навязывается. Это не союз сердец, а сцепление когтей. Самое опасное в ней — не магическая составляющая, а психологическая. Она обнажает самые темные базовые инстинкты, стирая наносные слои цивилизации. Тот, кто сильнее духом, может попытаться надеть узду. Слабый будет съеден заживо изнутри»*.

Что бы это всё значило...

Я задумчиво сидела на высокой ступеньке передвижной библиотечной лестницы, уткнувшись в пожелтевшие страницы, когда открылась дверь.

Я вздрогнула всем телом, и книга едва не выскользнула из рук, а сердце застучало где-то в горле. Это было неосознанно, рефлекс, против которого моя гордая поза была бессильна. И, конечно, это увидел ОН.

Дамиан вошел бесшумно, как и все в этом проклятом доме. Он был одет в простую, но дорогую темную рубашку и брюки. Волосы, казалось, были приглажены, но в них все равно читалась дикость. Он выглядел... иначе. Не таким изможденным и пылающим изнутри дикой болью, как в ту ночь. Он выглядел отстраненно. Холодно. Как ледяная статуя, созданная по подобию человека.

Его взгляд скользнул по мне, будто оценивая картину на стене, и в серебристой стали глаз я не увидела ни вспышки зверя, ни человеческого страдания. Только плоскую, безразличную насмешку.

— Я слышал, ты превратила мою библиотеку в свой кабинет, — сказал мужчина абсолютно ровным голосом, чуть глуховатым, лишенным тех низких, опасных обертонов, что я помнила. — Постарайся не устроить здесь пожар. Некоторые фолианты бесценны.

Я ощутила, как по щекам разливается жар. Не от страха, а от злости. От этой унижительной, свысока брошенной фразы. И мой щит сработал мгновенно.

— Не беспокойся, — парировала я, намеренно медленно закрывая книгу. — Я уже научилась отличать «бесценный манускрипт» от «сборника сказок для умалишенных». Пока что последних попадалось больше.

Его бровь едва заметно дрогнула. Не злобой, а скорее удивлением. Как будто он услышал, что кукла, висящая на проволоке, неожиданно ответила.

— Остроумие, — констатировал он и сделал несколько шагов вглубь зала, не глядя на меня, а разглядывал корешки книг на соседнем стеллаже. — Не думал, что у некромантов оно водится. Видимо, кроме пакостной магии, вам по силам и светские беседы.

Укол был точным и болезненным. Дамиан напомнил мне о моем происхождении, о пропасти между нашими мирами, и я резко встала, всё еще держась за лестницу.

— Нам многое по силам, например, стойко стоять на ногах и ровно держать спину в любой ситуации, — гордо заявила я в ответ, сходя со ступеньки.

И в этот момент треклятая нога, затекшая от долгого сидения, подкосилась. Я качнулась, рука бессильно дернулась в воздухе, и я едва не рухнула с последней ступени. Но, на радость, не упала, а просто неуклюже, со стуком приземлилась на пол, чувствуя, как жар стыда заливает щеки.

Дампир не двинулся с места, чтобы мне помочь. Он даже не изменился в лице. Только его глаза, эти холодные серебряные озера, наконец-то, полностью устремились на меня. И в них вспыхнуло вовсе не беспокойство, а... раздраженная презрительность.

— Аккуратнее, — произнес он ледяным тоном. — Кости у вас, смертных, хрупкие. Сломаешь шею на ровном месте, и кто тогда будет разгадывать тайны нашей с тобой... ситуации?

Сделанная пауза перед словом «ситуация» была красноречивее любых оскорблений. Как будто наша связь была досадным пятном на ковре, неприятной, но вполне решаемой проблемой по хозяйству.

Я выпрямилась и отряхнула платье, хотя пыли на нем не было. Злость кипела во мне, выжигая страх.

— Не беспокойтесь о моей шее, профессор, — выпалила, глядя ему прямо в глаза. — Я, в отличие от некоторых, привыкла держать голову прямо. Даже когда вокруг одни недоброжелатели и... прочие опасности. А с костями я разберусь сама. У меня, как-никак, есть опыт в восстановительной магии.

Дамиан нахмурился. На лбу легла едва заметная морщинка. Казалось, мое упоминание магии, моей магии, слегка вывело его из состояния ледяного равнодушия.

— Не советую практиковать ее в стенах моего дома, — сказал он уже без прежней отстраненности, а с привычной, властной ноткой в голосе. — Лаяна и так намекала, что твои «изыскания» тревожат духов поместья. Они не привыкли к некромантической энергии.

— А вы, значит, привыкли? — не удержалась от колкости я. — Или, может, просто не замечаете ничего, кроме собственного величия? Духи, говорите? Может, это просто сквозняк в старых стенах, а вы всё сваливаете на потусторонние силы?

Между нами повисло напряжение. Не то адское, животное, что было ночью. Другое — острое, колющее, как поединок на рапирах. Мы стояли в нескольких шагах друг от друга, и воздух будто трещал от невысказанных оскорблений и от этой глупой, нервной перепалки.

Дамиан смотрел на меня, и в его глазах что-то менялось: ледяная корка давала трещину. Я увидела в них не зверя, а человека — усталого, раздраженного, задетого за живое. И что-то еще... любопытство? Нет, не то. Сложнее. Как будто он впервые рассматривал не «проблему», не «истинную», а меня. Танасию. Девушку, которая грубит, едва не падает с лестниц и не боится огрызаться в лицо высокородному дампирю.

— Твое высокомерие, девочка, когда-нибудь тебя погубит, — произнес он, но уже без прежней холодности. В голосе слышалась усталая, почти живая интонация.

— А твоя отстраненность уже погубила что-то в тебе самом, — ответила я, не отводя взгляда. — По крайней мере, так кажется со стороны.

Он так резко отвернулся, будто получил пощечину. Его плечи напряглись, и мужчина прошел к окну, чтобы уставиться в серый день за стеклом.

— Читай книги, — бросил он через плечо, и его голос снова стал гладким, невыразительным, но это уже была наигранность, я это почувствовала. — И старайся не разбиться. Убирать осколки потом будет некому.

И он ушел. Так же бесшумно, как и пришел. А я снова осталась одна среди тишины и пыли. Сердце все еще бешено колотилось, но теперь не только от испуга. От чего-то другого. От странного, разряженного после ссоры воздуха. От искр, которые проскочили между нами сквозь лед. От понимания, что за этой маской холодного деспота всё еще прячется тот, кто метался в агонии у моей кровати. И от смутной, тревожащей догадки: а что, если его холодность и равнодушие тоже всего лишь щит? Такой же, как и моя дерзость?

Я вздохнула, снова взобралась на лестницу и открыла книгу. Но слова теперь плясали перед глазами, не желая складываться в предложения. В ушах все еще звучал его голос: и ледяной, и живой. А где-то глубоко внутри, под грудной костью, тихо, едва уловимо, дрогнула и отозвалась та самая нить.

Глава 10. Сад, псы и острое жало ревности

Танассия

Дни слипались в одно серое, тягучее месиво. Библиотека, комната, снова библиотека. Пыльные фолианты, в которых истина о нашей связи утопала в аллегориях и запутанных философских рассуждениях. Иногда ледяные, колкие столкновения с Дамианом, после которых воздух в поместье казался еще разреженнее, а я — еще более чужой.

Моя гордая поза начинала утомлять даже меня саму. Под ней копилось что-то невыразимое: тоска по просторам полей, по запаху мокрой земли и тлена склепов, по... нормальности в моем понимании.

Именно поэтому сегодня я, не сказав никому ни слова, повернула не к знакомым дубовым дверям библиотеки, а к выходу, ведущему в сад. Сердце заколотилось глупо и робко, когда я нажала на железную скобу. Я ждала окрика, запрета, но его не последовало.

Что ж...

Сад оказался не ухоженным парком, а чем-то диковатым, полузаброшенным. Подстриженные когда-то кусты бузины и боярышника буйно разрослись, тропинки были усыпаны прошлогодней листвой и первыми робкими ростками подснежников. Воздух пах сыростью, прелой листвой и чем-то цветущим где-то в глубине. Это был запах свободы, хоть и ограниченной каменной стеной по периметру. Я глубоко вдохнула, впервые за долгое время почувствовав, как плечи сами собой расправляются.

Вечер сгустился быстро, окрашивая небо в сиреневые тона. Я уже собиралась вернуться, когда услышала лязг тяжелого замка и скрип открывающейся калитки где-то в стороне. А потом из-за живой изгороди выбежали... существа.

Я замерла, леденящий ужас сковал ноги. Это были псы, но такие, каких я видела лишь в кошмарах или на иллюстрациях к трактатам о запрещенных экспериментах.

Костлявые, с обвислой кожей странного сизого оттенка, сквозь которую в некоторых местах проглядывали ребра и сухожилия. Их глаза мерцали тусклым желтым светом, как гнилушки, а пасти были усеяны рядами длинных, игловидных зубов. Некромантские твари. Чудовища.

Они остановились, и шесть пар светящихся глаз уставились на меня. Спустя пару мгновений существа зарычали, низко, вибрирующе, и медленно, расходясь полукругом, пошли на меня. Инстинкт кричал бежать, но ноги будто стали ватными. Я лишь судорожно сжала кулаки, готовясь... к чему? У меня не было жезла, не было компонентов.

Но потом самый крупный пес с разорванным ухом принялся, и вдруг его рычание оборвалось. Он склонил свою уродливую голову, подошел ближе и... ткнулся холодным, влажным носом мне в ладонь. Я вздрогнула от неожиданности.

Другие псы последовали его примеру. Их грозные хвосты, больше похожие на позвоночники с клочьями шерсти, вдруг задвигались — неуклюже, костляво, но явно дружелюбно. Они обнюхивали меня, тыкались мордами в колени, и в их светящихся глазах не было ни злобы, ни голода. Было... признание.

Что-то внутри меня дрогнуло и болезненно сжалось. Тепло пролилось в душу, такое неожиданное и щемящее, что к горлу подступил ком. Эти уродцы, порождения темной магии, поняли меня и приняли, как свою. А я... я вспомнила Краксуса и ласковую ласочку, которую носила за пазухой во время долгих часов изучения свитков. Они остались там, в доме Мортарта. Брошенные. Позабытые ли?

Тоска нахлынула такой острой волной, что у меня закружилась голова. Вся моя бравлада, все высокомерные речи рассыпались в прах. Я была просто девчонкой, которая скучала по дому и по своим питомцам.

Всякая охота практиковаться в магии, даже просто думать о ней, пропала, и я бесцельно побрела по тропинке дальше, а псы лениво потрусили за мной, поскуливая и тычась в руки, будто успокаивая и прося ласки.

И тут в сад ворвался Дамиан.

Он появился так стремительно, что казалось, не бежал, а материализовался из сгущающихся сумерек. Он был без плаща, рубашка расстегнута на груди, волосы в беспорядке. Его лицо... На нем был написан такой явный, не прикрытый никакой маской испуг, что у меня перехватило дыхание. Дампир смотрел на меня, потом на псов, снова на меня. Его взгляд метнулся к моим рукам, ногам, будто ища раны и разрывы.

А потом мужчина увидел, что псы виляют хвостами, потираясь мордами о мои ноги. И всё. Испуг испарился, словно его и не было. Как по волшебству, его черты застыли в привычной ледяной маске. Он выпрямился, сгладил рукой волосы. Дышал всё еще часто, но теперь это выглядело как раздражение, а не заботливая паника.

— Тебя предупреждали, что по вечерам во дворе небезопасно? — его голос прозвучал резко, но без той животной хрипоты, что была в первую ночь. Был лишь холодный, надменный укор.

Мой щит, пошатнувшийся было, мгновенно встал на место, закаленный новым приступом злости. От его страха за меня стало тепло и странно, а от этой внезапной холодности — горько и обидно.

— Предупреждали? — парировала я, глядя крупного пса по костлявой холке. — Меня вообще мало о чем здесь предупреждают. Думала, тут хотя бы сад безопасен. Оказалось, опасны только его хозяева.

Дампир фыркнул, сделав шаг ближе. Псы насторожились, но, почуяв отсутствие угрозы от него или уловив что-то еще, что было между нами, лишь внимательно наблюдали.

— Хозяева, — повторил он, и в его глазах мелькнул знакомый огонек — не звериного, а чисто человеческого раздражения. — А ты, значит, эксперт по безопасности? Та, что едва не сломала шею на библиотечной лестнице?

— Лучше быть неуклюжей, чем... чем паникером, влетающим в сад как угорелый при виде собственных псов, — выпалила, чувствуя, как кровь приливает к лицу. Мы стояли так близко, что я видела, как дрогнула тонкая кожа у его глаза.

— Паникером? — повысил голос на полтона, и это было почти что возмущение. — Эти «псы», как ты их мило называешь, могут разорвать любого. Их создавал не садовник для забавы!

— И что? Они явно умнее некоторых, — я не отводила взгляда, чувствуя, как воздух между нами снова заискрился, зарядился особой энергией, когда каждое слово и укол, и притяжение. — Они сразу поняли, что я не угроза. А ты...

— А я что? — перебил он, сделав еще шаг.

Теперь нас разделяло меньше метра. Я чувствовала исходящий от него холодок или это был жар, замаскированный под холод? Слышала его ровное, нарочито спокойное дыхание.

— Я должен был спокойно наблюдать, как моя... гостя становится ужином для некродоберманов?

— Твоя «гостя» уже научилась за себя постоять! — я выпрямилась, подняв подбородок.

Его взгляд скользнул по линии моей шеи, и я почувствовала, как по коже пробежали мурашки.

— Или ты думаешь, все девушки беспомощны и ждут, когда сильный мужчина примет их спасать? — добавила, стараясь выровнять сбившееся напрочь дыхание.

Дамиан на мое высказывание лишь усмехнулся. Сухо и беззвучно.

— Сильный мужчина... — произнес он, и в его голосе вдруг прозвучала усталая горечь, которая задела меня сильнее любой насмешки. — Да, именно так. Спасатель дам. Отличная роль.

Дампир неожиданно протянул руку, будто чтобы отодвинуть ветку у меня за спиной. Его пальцы не коснулись, но прошли так близко от щеки, что я ощутила движение воздуха. И мы оба вздрогнули. Я — от внезапного электрического разряда, пробежавшего по коже, а дампир резко отдернул руку, будто обжегшись, и его маска на мгновение дрогнула, обнажив ту самую мучительную внутреннюю борьбу, которую я видела раньше. В его глазах вспыхнуло знакомое серебристое пламя и тут же погасло, задавленное силой воли.

Мы стояли, глядя друг на друга, оба выведенные из равновесия этим случайным, несостоявшимся касанием. Словесная перепалка замерла на самом интересном месте, сменившись тягостным, густым молчанием, в котором было слишком много всего: и злость, и вызов, и это чертово притяжение, которое висело между нами толще вечернего тумана.

Наше уединение нарушил скрип гравия под тяжелыми шагами. Из-за поворота показался домоправитель, старый и мрачный, как сама усадьба. Он почтительно склонил голову перед Дамианом, стараясь не смотреть на меня. Привычное дело...

— Владыка, прошу прощения за беспокойство, — его голос был глухим и бесцветным, как обычно. — Прибыл экипаж. Из столицы. С госпожой Оливией.

И произошло нечто странное. Всё напряжение, вся колючая энергия, что висела между нами, мгновенно испарилась.

Поза Дамиана изменилась — спина стала прямее, плечи расправились. Но самое главное — его лицо. Ледяная маска не просто вернулась. Она ожила. В уголках его губ дрогнула не то чтобы улыбка, а тень чего-то ожидаемого и приятного. В глазах, только что пылавших то ли гневом, то ли чем-то иным, вспыхнул холодный, но живой интерес. Оживление. Почти... тепло.

— Оливия? Уже? — произнес мужчина, и в его голосе прозвучала непривычная легкость, похожая на предвкушение. — Прекрасно. Проводи гостью внутрь, я буду ждать ее в кабинете.

Дамиан кивнул домоправителю, и тот удалился, а потом дампир повернулся ко мне, и его взгляд снова стал отстраненным, хозяйским.

— Тебе лучше пойти в свои покои, — сказал он бегло, уже мысленно находясь где-то далеко от этого сада и от меня. — Вечером прохладно.

И он ушел. Быстро, целеустремленно, не оглядываясь.

А я осталась стоять среди дружелюбно поскуливающих псов, но внутри у меня все перевернулось. Госпожа Оливия. Кто она? Откуда? И почему одно лишь ее имя способно стереть с его лица все следы нашей перепалки, нашей... чего бы то ни было?

И тогда, остро и несправедливо, ударила не просто обида или досада. Это был удар чего-то жгучего, врывающегося прямо в сердце.

Ревность...

Глупая, бесправная, унижительная. Она пронзила меня, как раскаленная игла, и тут же, по той самой треклятой истинной связи, рванулась от меня туда, к нему, уходящему к какой-то Оливии.

Я почувствовала, как где-то вдали, уже на пороге дома, он слегка замедлил шаг, будто споткнувшись о невидимую преграду, но так и не обернулся.

Псы тревожно заскулили, тычась мордами в мои сжатые в кулаки ладони, но их тепло больше не помогало. В саду резко стемнело, и стало очень, очень одиноко.

Глава 11. Бегство в чужие объятия

Дамиан

Соленый привкус ярости все еще жёг мне горло, когда я покинул сад. Каждый шаг по мраморным плитам коридора отдавался в висках глухим стуком.

Эта... девица!

Танассия.

Ее имя обжигало изнутри сильнее проклятия. Я готов был разорвать её на части за эту дерзкую выходку! За наглый, спокойный взгляд, когда вокруг было столько опасностей, которых она, глупая, даже не осознавала.

Но первый мой порыв, животный и неконтролируемый, был иным — схватить, вцепиться, прижать так сильно к себе, чтобы на её дерзкой улыбке наконец появилась трещина страха.

Страх за себя, черт возьми!

Чтобы она поняла, что её жизнь теперь — моя ответственность, мой крест и моё проклятье.

Но я сдержался. Волевым усилием, каким подавляют бунтующий вампирский голод. Воспитанием. Дисциплиной. И маской безразличного ко всему аристократа, намертво приросшей к лицу.

Что случилось с псами? Эти твари из самых мрачных глубин преисподней вели себя как прирученные болонки. В этом виноват Дрейвен, конечно, с его вечной тягой к сомнительным экспериментам и ненадёжным поставщикам. Мысль о младшем брате добавила новой досады в кипящий внутри котёл.

А потом был её голос. Её слова. И это почти что касание, от которого всё существо вздрогнуло, будто меня хлестнули кнутом из чистого напряжения.

Даже под действием зелья, притупляющего истинную связь, оно отозвалось во мне низким, болезненным гулом.

Воспоминания нахлынули грязной волной: академия и эта девчонка... юная и уже невыносимая, в этом дурацком, не по уставу кожаном платье вместо формы. Её вызывающий взгляд. Её вопросы, ставившие под сомнение всё, от магических аксиом до авторитета преподавателей. Она бесила меня тогда. Бесит и сейчас. И эта связь... Тьма, за что? За какой грех?

Появление Оливии было спасительным якорем, брошенным в бушующее море этих мыслей. Чёткий, понятный, красивый отвлекающий манёвр. Её экипаж, подъехавший ко входу как по волшебству, её имя, доложенное слугой, — всё это было вовремя. Слишком вовремя. И ожидаемо, ведь эта дампириша всегда умела появляться в нужный момент.

Я направился в кабинет, ощущая, как зелье медленно, но верно начинает терять силу. Край обсидианового стола был холодным под ладонями, когда я ждал, опершись на него.

Нужно было успеть.

Пока истинная связь ещё глухо заперта где-то на задворках сознания, а не рвётся наружу огненным вихрем.

Дверь открылась без стука, и так в чужом доме могла войти только она — дочь одного из старейшин Совета, привыкшая пользоваться своим высоким статусом всегда и везде.

— Дамиан, — её голос, низкий, бархатный, прокатился по комнате, смывая остатки напряжения. — Мне сказали, что ты вернулся, но я не поверила, вот и решила взглянуть собственными глазами на того, кто стал почти призраком.

Оливия. Эффектная и безупречная. Жемчужно-белые волосы, уложенные в сложную, но не лишённую дерзости причёску, подчеркивали белизну её шеи и холодную, почти фарфоро-

вую кожу. Платье из тёмно-синего бархата облегло формы, о которых я хорошо помнил. В её тёмно-синих глазах светились знакомые огни — интерес, вызов, обещание.

— Оливия, — я кивнул, не двигаясь с места. — Твои источники, как всегда, оперативны.

Она усмехнулась, приближаясь. Её аромат — ночные фиалки, холодный металл и дорогая пудра — вытеснил из сознания запах ночного сада и диких трав, который почему-то запомнился.

— Обеспокоенная душа всегда начеку, — она остановилась в шаге, изучая меня. — Ты выглядишь... напряжённым. Проблемы с новым приобретением?

Укол был точным и болезненным. Она знала. Конечно, знала. Сети её осведомителей покрывали весь высший свет, включая самые тёмные его уголки.

— Дела, — отрезал я, не желая вдаваться в подробности. Мысль о Танассии здесь, в этом святилище порядка и контроля, казалась кощунственной.

Оливия не стала настаивать, потому что приехала сюда явно не для того, чтобы тратить время на пустую болтовню. Блондинка сделала ещё шаг, и теперь между нами не было ничего, кроме плотного, наэлектризованного воздуха. Её взгляд скользнул по моим губам, потом вернулся к глазам.

— Может, я помогу... расслабиться? — предложила, и в её голосе зазвучали знакомые, манящие ноты.

Зелье ещё действовало и приглушало связь, но не могло заглушить голую простую потребность забыться. Утвердиться. Доказать самому себе, что я всё ещё хозяин своего тела и своих желаний.

Я не ответил. Ответом было моё движение — резкое, стремительное. Схватив дампиршу за талию, притянул ее к себе. Не было нежности, не было прелюдий. Только грубая, отчаянная сила. Мой рот нашел её губы в жёстком, почти болезненном поцелуе, и любовница ответила с готовностью, впиваясь пальцами в мои плечи. Ее тело мгновенно отозвалось на зов инстинктов, прижимаясь и требуя большего.

То, что это было бегство, я осознавал с первой секунды. Бегство от карих глаз, полных дерзкого вызова, в синие, полные знакомой страсти. От непредсказуемости к отточенному, выверенному годами ритуалу.

Одежда оказалась досадной преградой. Бархат, шелк, кожа — всё полетело на пол под тихий звук рвущихся швов и короткий, одобрителный смешок Оливии. Стол опрокинулся с глухим стуком, книги и пергаменты рассыпались по ковру. Нас не волновало ничего. Только жадные руки, жар кожи, прерывистое дыхание.

Я вошел в тело дампирши страстно и отчаянно, будто пытаюсь ухватиться за этот момент, как за последнюю соломинку перед падением в пропасть.

Каждое прикосновение, каждый вздох, каждый ее стон должны были выжечь из памяти другое лицо, другой голос. Я впивался губами в жемчужную шею, чувствуя под языком резкий пульс, но не кусая. Не смея. Даже в этом была предательская мысль: «а та ли это кровь, что должна пьянить меня»?

Оливия была великолепна. Отзывчива, изобретательна и привычно требовательна. Острые ногти впились мне в спину, а ее шепот был грязным и обещающим. Но чем яростнее я пытался погрузиться в это наслаждение, тем явственнее сквозь него проступала душевная боль, острая, как лезвие.

Совесь. Проклятая, нелепая совесь, о которой я думал, что давно похоронил её, восстала из пепла. Она шептала, что это — предательство. Не по отношению к Оливии. Нет. А по отношению к той самой девчонке, которая сидела, наверное, сейчас в своей комнате и продолжала меня бесить.

Предательство самого факта этой проклятой связи. И ещё более громко совесть шептала о том, что я — трус. Что вместо того чтобы разобраться в этом хаосе, я прячусь в объятиях давней любовницы, как мальчишка.

Ярость на себя подливала масла в огонь. Я стал еще грубее, еще беспощаднее вколачиваться в податливое тело, пытаюсь заглушить внутренний голос физической болью или пиком наслаждения. Оливия что-то воскликнула — от удивления или одобрения, я уже не различал. Мир сузился до точки боли и наслаждения, стыда и животной похоти.

Когда всё закончилось, в кабинете повисла тяжелая, липкая тишина, нарушаемая только нашим неровным дыханием. Я лежал, глядя в темноту высокого потолка и чувствуя, как холодный воздух касается разгоряченной кожи.

Удовлетворение? Было. Физическое, глухое, усталое. Но за ним тут же, не скрываясь, выползала пустота и жгучее, ядовитое самоотвращение.

Оливия приподнялась на локте, её белые волосы волной спадали на плечо. Она смотрела на меня с задумчивой, оценивающей улыбкой.

— Определённо, в Недрах тебе было нечем заняться, кроме как копить энергию, — проворковала она, проводя пальцем по моей груди.

Я не ответил. Вкус её поцелуя на губах казался теперь приторным и чужим. Сквозь ослабевающую пелену зелья, где-то в самой глубине, я почувствовал слабый, далёкий укол — будто иглой ткнули прямо в сердце. Это была не боль. Это было... обидное беспокойство. Чуждое, настойчивое, идущее не от меня.

Танассия.

Я резко сел, отстраняясь от Оливии. Истинная связь, как хищный зверь, сорвавшийся с цепи, затопила меня обратно, и вместе с ней вернулось всё — ярость, раздражение, тревога и то самое невыносимое, необъяснимое влечение. Зверь внутри меня тряс мордой, прогоняя остатки забвения и обещая скорую расплату за предательство.

— Дамиан? — в голосе Оливии прозвучала лёгкая обида и недоумение.

— Тебе нужно уходить, — прозвучало резче, чем я планировал, но сейчас было не до любезностей.

Я встал, отыскивая на полу элементы своей одежды. Тело, секунду назад такое послушное и удовлетворённое, теперь было просто оболочкой, полной отвращения и странной, ноющей вины.

Оливия тоже поднялась, но сделала это медленно, с холодным достоинством дракона, которого потревожили.

— Как грубо, — заметила она, уже наполняя голос привычной язвительной небрежностью. — Неужто я так тебя разочаровала?

— Дела, Оливия, — повторил я, не желая выслушивать какие-то упреки в свой адрес. — Благодарю за... визит.

И она поняла, что дверь, которая только что была распахнута, снова захлопнулась. Возможно, навсегда. В её глазах мелькнуло что-то острое — обида, гнев, расчёт, но она лишь кивнула, собирая своё разорванное платье с видом королевы, подбирающей случайно уроненные регалии.

— Всегда рада помочь, — бросила она на прощание у двери. — Передавай привет своей... проблеме.

Дверь захлопнулась, и я остался один среди хаоса, который мы устроили. Запах ночных фиалок и похоти витал в воздухе, смешиваясь с запахом старой бумаги и воска. И сквозь него, всё явственнее, пробивался другой — призрачный, навязчивый запах ночных трав, тлена и шёлка.

Я подошёл к окну, сжав пальцы в кулаки. Бегство не удалось. Оно лишь сделало ловушку, в которой я оказался, ещё теснее. А где-то в другом крыле этого проклятого поместья спала

или не спала девчонка, из-за которой всё это началось. И связь между нами, теперь уже ясная и неумолимая, тянулась, как раскалённая нить, напоминая, что от себя не убежишь.

Особенно когда твоё «я» навсегда привязано к кому-то другому.

Глава 12. Пеплом по сердцу

Танассия

Возвращалась я в свою комнату будто по дну холодного моря. Каждый шаг давался с трудом, в ушах стоял тот самый скрежет — не мебели, нет, а моей души, которая трещала по швам.

Звуки, доносившиеся сквозь дверь кабинета, отпечатались на сознании огненным клеймом. Стоны Оливии, томные и сладкие, как испорченный мёд. Рык Дамиана — нечеловеческий, звериный, который когда-то вызывал у меня дрожь восторга, а теперь лишь ледяную тошноту.

Коридоры поместья казались бесконечными. Я прижимала ладони к ушам, но внутренний голос звучал громче любого шума: «Дура. Наивная, глупая дура. Ты думала, что твоя жертва что-то для него значит?»

Вспомнила его в кабинете директора академии. Холодные глаза цвета грозового неба, которые уже тогда, при первой встрече, пробрали до мурашек. И как жестоко обмануло меня тело, вспыхнувшее вопреки разуму.

Я, всегда державшая эмоции в железном кулаке, растворилась в одном его взгляде. И где-то в глубине, под слоями гордости и страха, теплилась идиотская надежда: «Он заметит. Поймёт. Разглядит в дерзкой строптивнице ранимую девушку, отчаянно пытающуюся всем доказать свою значимость».

Теперь эта надежда выгорела дотла.

Я захлопнула дверь своей спальни, прислонилась к ней спиной и медленно сползла на пол. Слёзы текли беззвучно, жгучими ручьями по щекам. Я не рыдала — внутри была пустота, слишком большая для рыданий. Дамиан опорочил своим поступком обряд, где я, стиснув зубы, отдала часть своей силы, чтобы не дать ему умереть. Я спасала его, а он... Он теперь разбивал меня с методичной, изощрённой жестокостью.

И самое мерзкое — ему было всё равно.

— Хватит, — прошипела в темноту, вставая и с силой вытирая слёзы. — Хватит.

Я не буду больше тряпкой, этой жалкой девочкой, которая плачет в углу и терпит. Если он придет — а я знала, что придёт, эта проклятая связь тянула его сюда, как магнитом — я дам отпор. Не стану жалеть. Не стану поддаваться ни жажде, ни тому тлеющему огню, что всё ещё пульсировал где-то в глубине живота при мысли о нём.

Переоделась в простую льняную ночную сорочку, намеренно холодную и неудобную. Села на кровать спиной к изголовью и уставилась в окно, где луна пряталась за рваными облаками. Ждала. Каждая минута тянулась как час, наполненная гудящей тишиной.

И он пришёл.

Дверь бесшумно отворилась, и дампир заполнил собой проём. В расстёгнутой рубашке, влажные после душа волосы в беспорядке. Глаза горели тем знакомым серебряным отблеском — голодом, но не к крови. К чему-то иному. К близости.

— Уходи, — произнесла холодно и отвернулась, не в силах смотреть в его безупречное лицо, но Дамиан проигнорировал мою просьбу, прозвучавшую как сухой приказ.

Мужчина шагнул внутрь комнаты, и дверь с глухим хлопком закрылась за его спиной.

— Ты не спишь, — его голос был низким, хриплым, будто сдерживающим того самого зверя.

— Уходи, Дамиан. Я не хочу тебя видеть, — снова потребовала, пытаюсь удержать контроль над своими эмоциями.

Воздух сгустился, когда дампир приблизился ко мне, и наполнился запахом дождя, кожи и чего-то тёмного, присущего только ему. Мой пульс предательски забился чаще.

— Ты врешь, — тихо произнёс, останавливаясь в двух шагах от меня. — Связь не врёт. Ты в ярости, но ты... тоже испытываешь эту жажду.

— Жажду? — засмеялась я горько и резко. — Да, жажду к тому, чтобы ты исчез! Чтобы эта дурацкая связь разорвалась! Я всё слышала, Дамиан! Слышала, как ты подобно похотливому кобелю сношался с этой своей Оливией в кабинете, пока я, идиотка, пыталась понять, как жить с тем, что между нами произошло! — выпалила, глядя ему в глаза и утрачивая последние капли самоконтроля.

На лице дампира промелькнуло что-то похожее на... удивление? Раздражение? Но почти мгновенно эти эмоции скрылись за привычной холодной маской.

— Оливия не имеет к нам никакого отношения.

— Нет? — вскочила я с кровати, сжимая кулаки. — А звуки, которые разносятся по всему поместью, имеют! Неужели ты настолько меня ненавидишь, что даже не потрудился проявить хоть каплю уважения по отношению ко мне и моим чувствам?

Дамиан стиснул зубы, и в его взгляде вспыхнул опасный огонь.

— Ты не понимаешь, что это...

— Что? Что это ничего не значит? Что это просто физиология? — перебила я, и голос дрогнул от ярости. — Забавно. Я думала... — но голос сорвался, не дав закончить фразу до конца.

Чёрт. Чёрт! Я не хотела показывать эту боль.

— Что ты думала? — он шагнул вперёд, загоняя меня в угол между кроватью и стеной. — Что один вынужденный обряд сделают нас чем-то большим друг для друга? Ты сама всё усложняешь, Танассия.

— Вынужденный? — прошептала в ответ, и внутри всё обратилось в лёд. — Ты называешь спасение твоей жизни «вынужденным»? Я могла позволить тебе умереть! И многие на моём месте так бы и поступили! Но я... я не смогла!

В его глазах на мгновение серебристое сияние померкло, уступив место чему-то сложному, почти человеческому, но это мгновение прошло.

— И за это я тебе благодарен. Но благодарность не равна чувствам.

Каждое слово било по мне, как хлыстом. Я, полная решимости не плакать, вздернула подбородок вверх, смотря ему прямо в глаза:

— Отлично. Тогда у нас нет причин быть рядом. Уходи к своей Оливии. Или к кому-то ещё, а меня оставь в покое.

— Не могу, — прорычал мужчина в ответ, и в его голосе прозвучала отчаянная, звериная нота. — Эта связь... она требует близости. Ты чувствуешь это так же, как и я.

Да, чувствовала. Мерзкое, унижительное притяжение. Волна тепла, растекающаяся по низу живота. Жажда прикоснуться, ощутить его кожу под пальцами, вдохнуть его запах. Я ненавидела себя за это.

— Это всего лишь инстинкт. Контролируй себя, как делаешь это всегда, — процедила я.

— Сейчас он сильнее, — дампир приблизился так, что между нами остались сантиметры, и его тело излучало жар. — Зверь признал тебя и теперь требует.

Его рука поднялась, почти коснулась моей щеки, и я отшатнулась, как от ожога.

— Не смей трогать меня! — вскрикнула, и к горлу подступил комок слез, которых я так боялась. — Ты не имеешь права прикасаться ко мне, после того как был с ней! Мне противно! Мне больно! Разве ты не видишь? Или тебе действительно наплевать?

Последняя фраза сорвалась шёпотом, полным отчаянной, детской надежды, что он всё же увидит. Поймёт.

Дамиан замер. Его лицо исказила внутренняя борьба. Серебро в глазах мерцало, то разгораясь, то затухая.

— Я... не хотел причинять тебе боль, — сказал он на удивление тихо, и в его тоне впервые за весь вечер не было ни капли высокомерия.

Была лишь усталость и смятение.

— Эта связь... она не только физическая. Она задевает то, что я давно похоронил, и это опасно. Для нас обоих. Оливия... она ничего не значит для меня. Это был лишь способ заглушить то, что терзает меня изнутри.

Сердце бешено колотилось в груди, потому что его слова обжигали и лечили одновременно. Это было признание, но какое-то уродливое и жестокое.

— И что дальше? — спросила я, и голос снова дрогнул. — Ты будешь приходить, чтобы утихомирить зверя, а потом возвращаться к своей обычной бесчувственной жизни? И я должна быть счастлива от такой перспективы?

— Нет! — он вдруг с силой ударил кулаком по стене рядом с моей головой, и я вздрогнула. — Ты не должна! Беги от меня, Танассия. Пока не поздно. Я принесу тебе только пепел и боль.

В этот момент в его глазах я увидела нутро не монстра и не холодного аристократа, а человека, потерянного и раненного. И это было невыносимо.

— А если я уже в пепле? — прошептала, и первая предательская слеза скатилась по щеке. — Если ты уже всё спалил?

Дамиан скривился, будто от удара. Его маска окончательно треснула, а взгляд стал голым, уязвимым, полным той же яростной отчаянной тоски, что пожирала и меня.

— Прости, — хрипло произнес мужчина, и это было сокрушённое, горькое признание своей вины. — Я не знаю, как быть...

И сопротивление Дамиана окончательно рухнуло после этих слов. Он наклонился и прижался лбом к моему плечу, не обнимая, а просто ища опоры. Дрожь пробежала по его телу.

— Ненавижу эту слабость, — прошипел он в ткань моей сорочки.

И всё моё решение дать отпор, моя ярость, моя гордость — рассыпались в прах, потому что я тоже ненавидела эту слабость. Ненавидела себя за то, что не могу оттолкнуть его. За то, что мои руки сами поднялись и легли на его спину, ощущая напряжение каждой мышцы под тонкой рубашкой.

Мы стояли так, два сломанных существа в лунном свете, в тишине, нарушаемой только нашим тяжёлым дыханием. Ненависть и жалость, отвращение и жажда — всё смешалось в клубок, который душил сильнее любой петли.

— Уйди, — повторила я уже без сил, уткнувшись лицом в его волосы, вдыхая его запах, который теперь будет преследовать меня в кошмарах и, чёрт возьми, в грёзах тоже. — Или останься. Но сделай выбор и не мучай больше нас обоих.

Дамиан поднял голову и посмотрел на меня. В его глазах бушевала буря, но я знала, что какой бы выбор он ни сделал в эту ночь — он принесёт только новую боль. Но когда его губы, обжигающие и неумолимые, нашли мои в поцелуе, который был битвой, капитуляцией и проклятием одновременно, — я поняла, что выбор уже сделан.

И мы оба были обречены сгореть в этом огне.

Глава 13. Отдаваясь воле сердца

Дамиан

Выбор был сделан не разумом, холодным и расчетливым, что годами выстраивал стены вокруг моей души. И не под властным давлением зверя, чья темная песня теперь пульсировала в крови, настойчиво требуя обладания. Выбор был сделан сердцем — этим предательским, ранимым органом, которому я, наконец, устал противиться.

Когда наши губы встретились вновь, это уже не было поединком или битвой воли и дерзости. Это была капитуляция. Полная и безоговорочная. Ее дыхание смешалось с моим, горячее и сладкое, с легким привкусом черного чая и чего-то неуловимого, что было присуще только ей одной. Ее пальцы, вцепившиеся в мои волосы на затылке, дрожали, но не от страха, а от нетерпения, от того же электрического напряжения, что разрывало меня изнутри.

Я чувствовал каждую точку нашего соприкосновения сквозь тонкую ткань одежды: упругость груди, прижавшейся к моей грудной клетке, мягкий изгиб живота, теплоту бедер, ищущих опору в моих. Но больше всего я слышал бешеный, лихорадочный стук ее сердца — быстрый живой барабанный бой, манивший моего внутреннего хищника и волновавший человека во мне до глубокой, сковывающей дрожи.

Мои руки, казалось, действовали сами по себе, и одним резким, но точным движением я сорвал с Танассии легкую льняную сорочку. Ткань с шелестом упала на пол, и я замер, позволив глазам, а потом и кончикам пальцев, изучить открывшуюся мне картину.

Ее кожа в лунном свете, лившемся из высокого окна, казалась фарфоровой, мерцающей перламутром. Я провел ладонью от ключицы до изгиба талии, и она вздохнула, выгнувшись навстречу.

Это было сродни погружению в живое пламя, которое не обжигало, а очищало. Кожа была гладкой, как отполированный пергамент древнего манускрипта, и горячей, как самое жаркое летнее солнце, хранящее тепло долгого дня.

Я последовал за движением своей руки губами, скользя по линии хрупкой ключицы, ощущая под языком ее вкус и вдыхая дурманы, раскрывшийся по новому аромат ее тела — пряный, как распустившиеся ночью цветы, с горьковатыми нотами полыни и сладостью спелого персика.

— Дамиан... — мое имя на ее устах прозвучало, словно заклинание, привязывающее меня к этому моменту.

Танассия запрокинула голову, обнажив длинную, изящную линию шеи — уязвимую и бесконечно соблазнительную. И я, потеряв последние остатки контроля, прижался губами к тому месту, где под тонкой кожей стучала жила. Провел языком по чувствительной впадинке у самого уха. Девушка вскрикнула — короткий, резкий звук, который пронесся по всем моим нервным окончаниям, как электрический заряд, и заставил мое собственное тело содрогнуться в ответ.

Мои руки, уже знающие силу требовательного нетерпения, но теперь учащиеся нежности, обхватили тонкую, почти невесомую талию. Я поднял некромантку над полом, прижимая к себе так близко, что почти не оставалось воздуха между нами. Танассия обвила меня ногами, и ее бедра прижались к моим.

Несколько шагов до кровати, и мы повалились на прохладный, отливающий голубизной шелк простыни. Некромантка приняла мой вес без страха, лишь глубже впустив меня в объятия своих рук и взгляда.

В полумраке спальни, в таинственном свете луны и дрожащих тенях от тусклого ночника, ее тело казалось нереальным — скульптурой, высеченной из искренней страсти и дерзости.

Каждый изгиб, каждый плавный переход от бедра к талии, от талии к груди с темно-розовыми, набухшими от желания вершинами, будто был создан именно для моих рук и губ. Это было видение, и я боялся, что оно рассыплется, если я моргну.

Я сбросил с себя остатки одежды, и холодок воздуха мгновенно сменился жаром, когда ее покрытая испариной кожа соприкоснулась с моей, и это вызвало мелкую трепетную дрожь в наших организмах.

Происходящее стало жизненно важной необходимостью для нас обоих, но я чувствовал, как мышцы Танассии всё еще сковывал страх первого проникновения. Первого шага туда, откуда уже точно не будет возврата.

— Тесси, — прошептал я, и собственный голос показался мне чужим, хриплым от сдерживаемого желания и нахлынувшей, внезапной и горькой, ответственности. — Прости меня... За всё. И если ты... если это слишком, если ты еще не готова, то... мы можем остановиться.

В этом моменте я был слаб и лжив, потому что не хотел останавливаться. Каждая клетка моего тела противилась этим словам, но они были необходимы. Обязательны. Потому что в глубине под толщей нарастающей страсти, всё еще плескалось и поднималось, как черный прилив, чувство вины за предательство, которое теперь зияло в моей душе темной бездной.

В ответ Танассия лишь прильнула ко мне еще ближе. Ее руки обвили мою шею, а ноги — бедра, и это откровенное, лишенное всякой стыдливости движение разрушило последние жалкие остатки моих сомнений.

— Я готова, — выдохнула она мне в губы. — Перестань уже думать о том, что сейчас уже не имеет значения.

И я перестал. Думать, анализировать, сомневаться. Остался только инстинкт, жажда и она.

Прелюдия была стремительной, неистовой, полной голодных, почти яростных прикосновений и жадных, исследующих поцелуев. Я ласкал грудь, сжимая ее ладонями, дразня языком и губами затвердевшие, чувствительные вершины, и дурел от того, как ее тело — юное, гибкое, охваченное огнем желания — выгибалось мне навстречу, предлагая себя без остатка.

Стоны Танассии, которые до этого момента были сдержанными, вырвались наружу громким криком, когда я осторожно прикусил затвердевший сосок зубами, даруя наслаждению легкий, будоражащий кровь, оттенок боли.

Проведя по плоскому животу ладонью, опустил ниже в сокровенную теплоту между ее стройных ног и обнаружил там обильную горячую влажность. Танассия вздрогнула всем телом, когда мои пальцы коснулись нежного бугорка, а затем скользнули по чувствительным складкам. Низкий, сдавленный стон, полный отчаяния и мольбы, едва не свел меня с ума, вырвав из груди ответный рык.

— Дамиан, пожалуйста... — сорвалось с ее губ, и это была уже не мольба, а отчаянный приказ, которому я уже не мог и не хотел сопротивляться.

Я поднялся над девушкой, удерживая свой вес на локтях, и наши взгляды встретились. В ее карих глазах, обычно таких насмешливых и острых, теперь плескалось море неподдельной животной страсти и абсолютного доверия.

Это доверие было страшнее любого обвинения, и я поцеловал некромантку, пытаюсь передать в этом поцелуе всё — и извинение, и благодарность, и ту безумную, всепоглощающую тягу, что сводила меня с ума.

Медленно, преодолевая дрожь в собственных руках и коленях и чувствуя, как зверь внутри бьется в клетке ребер, требуя резкости, силы и обладания, я с тихим стоном вошел в желанное тело истинной. И мир мгновенно сузился до одной точки, до одного невыразимого, переполняющего нутро ощущения.

Танассия была невероятно тесной, обжигаяще горячей, живой и податливой, и в то же время еще оказывающей слабое инстинктивное сопротивление. На миг мы оба замерли, при-

слушиваясь к новому, единому ритму — стуку наших сердец, звучавших теперь в унисон, и к нашему сбившемуся, общему дыханию.

Я видел, как глаза брюнетки расширились, и как в их глубине промелькнула тень острой, шемящей боли, заставившая девушку зажмуриться и всхлипнуть.

Мое сердце сжалось от сочувствия и злости на себя самого за то, что не смог облегчить для Танассии этот момент. Хотя, даже если бы я обладал способностью наводить морок, я не стал бы этого делать. Не только из-за своих принципов и убеждений, а потому, что не посмел бы осквернить магией то чистое и настоящее, что сейчас происходило между нами.

Я готов уже был отстраниться, но спустя мгновение, которое показалось мне вечностью, девушка открыла глаза, и в ее взгляде больше не было боли или тени сожаления. Там отображалась решимость, которую подтвердила пусть неуверенная, но изумленная улыбка.

Какое-то время я всё равно не двигался, сжимая в кулаках простынь по бокам от ее головы и снова сражаясь со зверем, который рвался вперед, требовал грубой силы, дикого темпа. Я же был натянутой струной, готовой лопнуть.

— Всё хорошо, — прошептала Танассия, и ее ладони, теплые и мягкие, легли на мои щеки, приподнимая голову и заставляя наши взгляды снова встретиться. — Я чувствую эту жажду, Дамиан. Чувствую ее в тебе. И во мне. Я готова ее утолить. Всю. Без остатка.

И это признание, произнесенное тихо, но с невероятной силой, разрушило последние преграды. И внутри, и снаружи.

Я начал двигаться. Сначала — медленно, почти невыносимо осторожно, вымеряя каждый миллиметр, следя за каждым ее вздохом, за каждой сменой выражения на прекрасном лице. Прислушивался к каждому звуку, исходящему из ее груди, стараясь причинить минимум дискомфорта, дать ей привыкнуть, принять меня.

И ее отзывчивое тело начало отвечать. Сначала неуверенно, робко подстраиваясь под ритм. Потом — смелее, активнее, с такой силой и доверием, что моя бережность начала таять, превращаясь в ту самую неистовую страсть, которая кипела у нас в крови, сметая всё на своем пути.

Ритм ускорился сам по себе, подчиняясь не моей воле, а чему-то древнему и могущественному. Наши движения стали идеально синхронными, отточенными, будто мы отрепетировали этот танец в тысяче прошлых жизней. Теперь в нем не было ведущего и ведомого. Вела та самая невыносимая, долго скрываемая и отрицаемая жажда, что оказалась сильнее страха, сильнее разума, сильнее прошлого.

Я чувствовал всё совершенно по иному, будто впервые оказался в постели с женщиной. Чувствовал, как ее ногти впиваются мне в спину, оставляя на коже полосы — отметины, которые я хотел бы носить всегда. Чувствовал, как ее ноги, сильные и гибкие, крепче сжимают мои бедра, притягивая меня ближе и требуя большего.

Ее стоны, сначала приглушенные, сдавленные губами, теперь лились свободно — хриплые, срывающиеся, низкие, и в них было мое имя, перемешанное с бессвязными, дикими мольбами и с проклятиями. Я приглушал их своими поцелуями, жадно исследуя ее тело — касался губами каждой родинки, каждого едва заметного шрама, впитывал запах ее кожи, усилившийся от повышения температуры воздуха в спальне.

Я опустил голову, прильнул губами к упругой груди, и Танассия выгнулась, вскрикнув, когда я взял сосок в рот, лаская его языком и слегка посасывая.

Моя свободная рука скользила по ее боку, ощущая трепет мышц под кожей, а потом опустилась ниже, добравшись до внутренней стороны бедра, нежной, как лепесток, и пылающей жаром.

Я хотел запомнить всё. Шелковистость кожи на сгибе локтя. Влажную прядь темных волос, прилипшую к виску. Искажённое наслаждением, прекрасное в своей искренности выражение ее лица...

Но, несмотря на это, где-то в глубине, под толщей сладкого безумия, всё еще пульсировала, как незаживающая рана, вина.

Я не должен был так поступать.

Я знал это.

Знало мое измученное сердце, знал мой проклятый, вечно анализирующий разум.

Но тело, прильнувшее к телу Танассии, разумом уже не управлялось. Оно слушало только древнюю, простую и всеильную песню желания и потребности. И я не мог остановиться. Я не хотел останавливаться. Я хотел утонуть в ней, сгореть в этом пламени, чтобы от меня не осталось и пепла для прежней, холодной жизни.

Инстинктивно движимый желанием дать и получить еще больше, я перевернул девушку на живот. Она подчинилась без слов, вдавив свое лицо в подушку и обнажив моему взгляду изгиб спины, упругие ягодичы, длинные ноги... Но потом некромантка повернула голову, встретив мой взгляд через плечо. По ее щеке, по узкой полоске кожи у виска, стекла одна-единственная, блестящая в лунном свете слезинка. Не от боли. От переполняющих, невыносимых чувств, в которых горечь прошлых обид еще не растворилась до конца в сладости настоящего.

Я наклонился и стер эту слезу губами, ощутив вместо соли сложный, горько-сладкий привкус ее эмоций. И я отчаянно захотел затопить эту горечь, сжечь ее в огне чистого, бездумного наслаждения.

Обняв ее сзади, одной рукой прижимая к себе за талию, я вошел в нее вновь, и ощущения теперь были иными, более глубокими и пронзительными. Танассия громко вскрикнула, уже открыто, без тени стыда, и ее ногти впились в ткань простыни. И тогда я почувствовал, как ее внутренние мышцы судорожно сжимаются вокруг меня.

Скользнул рукой между ее ног и нащупал пальцами напряженный, невероятно чувствительный бугорок. Начал ласкать его — сначала круговыми, нежными движениями, потом быстрее, в такт нашим яростным, учащающимся толчкам.

Хватило всего пары минут, чтобы тело истинной сначала напряглось, как тетива лука, замерло на пике невыносимого напряжения, а потом сорвалось в бездну.

Танассия закричала, зарывшись лицом в подушку, и ее крик был приглушен тканью, но от этого не менее сильным, раздирающим. Потом она обернулась и заставила меня утонуть в бездонном темном озере ее глаз, где теперь плескалось чистое, абсолютное, слепящее наслаждение.

И, наблюдая, как она теряет контроль, как ее лицо искажается гримасой экстаза, я сам сорвался с края. Волна накрыла меня с такой сокрушительной силой, что я увидел не вспышки, а целые снопы белого огня перед глазами.

Я вскрикнул, не в силах сдержаться, прижавшись лбом к ее мокрой от пота спине и чувствуя, как все мое существо — и человек со своими муками, и монстр со своей жадой — изливается в нее с мучительным облегчением. Это было падением и полетом одновременно. Гибелью и рождением.

Мы лежали, все так же сплетенные воедино и тяжело дыша, пока мир медленно и нехотя возвращался на место. Я чувствовал, как ее сердце колотится у меня под рукой, постепенно успокаиваясь.

Чувствовал на своей коже влагу — смесь ее слез, пота и моей собственной испарины. Слышал ее прерывистое, глубокое дыхание. Я не отпускал ее, боясь, что этот миг, это хрупкое перемирие между нашими мирами, рассыплется в прах, как только я разомкну объятия.

Танассия, наконец, повернулась ко мне, с трудом двигая ослабевшими конечностями. Я помог ей, уложив на бок лицом к себе. В ее глазах, уставших и сияющих, я увидел то же опустошенное благоговение, ту же ошеломленную нежность, что бушевала в моей собственной груди, прорываясь сквозь пласты вины и усталости. Девушка прикоснулась к моей щеке, и это прикосновение было неуверенным, но невероятно теплым и нежным.

Так мы и встретили рассвет — без слов, в тепле опустошенных тел, в густой, плотной тишине, насыщенной невысказанными обещаниями, непощенными предательствами и отголосками только что пережитой бури.

Я ласкал любимую бессознательно, будто заклиная память тела. Проводил ладонью по ее плечу, по линии лопатки, по впадине на пояснице, по округлости бедра, снова и снова, пока ее дыхание не стало глубоким и ровным. Пока она, наконец, не заснула, обессиленная, доверчиво уткнувшись лицом в мое плечо, положив ладонь мне на грудь, прямо над сердцем.

Я же лежал, пока не в силах сомкнуть глаз и глядя, как первый робкий луч утреннего солнца пробивается сквозь щель в шторах и ложится на ее ресницы. На ее спокойные, умиротворенные черты. И понимал с леденящей душу ясностью, что все изменилось. Безвозвратно. Навсегда.

Я пересек черту, за которой не было пути назад. Цена этого рассвета, этой ночи и этого выбора сердца будет страшной. Она придет в виде гнева Мортазарта, негодования Ордена, презрения Оливии, и ужаса в глазах самой Танассии, когда она осознает всю тяжесть совершённой ею ошибки. Цена будет кровью, болью и, возможно, вечной потерей.

Но сейчас в этой тишине с ее теплым и ровным дыханием на моей коже... я был готов заплатить любую цену.

Глава 14. Следы рассвета на его коже

Танассия

Сознание возвращалось ко мне медленно, как прилив — сначала легкая рябь, а потом волна, смывшая последние остатки сна.

Тепло. Живое, всеобъемлющее. Оно шло от мощной линии его тела, плотно прижатого ко мне сзади. Его бедра были так близко к моим, что я чувствовала даже во сне остаточное, смутное воспоминание его формы внутри меня.

Рука — широкая ладонь, длинные, изящные пальцы — лежала не на животе, а ниже, и кончики пальцев едва касались самого чувствительного места на моем теле.

Другой рукой Дамиан сжимал мою грудь, его большой палец лежал прямо на соске, который затвердел даже под его спящим, неподвижным прикосновением.

Дыхание дампера было ровным, глубоким, горячим в моих волосах. Каждый выдох — медленный, влажный выброс воздуха на мою шею, заставляющий кожу покрываться мурашками.

Я не открывала глаз, потому что боялась, что всё это лишь мираж, хрустальный сон, который разлетится. Боялась повернуться и увидеть в его взгляде холод. Но тело... оно помнило всё до мельчайших подробностей.

Помнило, как его ладонь скользнула тогда между моих ног, когда я лежала на животе, и его пальцы не просто коснулись, а буквально втерлись в нежный, опухший от желания бугорок, в то время как он сам мощно входил в меня сзади.

Помнило, как я кричала в подушку, а он, наклонившись, зажимал мои крики своим ртом, прикусывая нижнюю губу, и шептал хрипло: «Громче, Тесси... Громче...».

Помнило, как до этого, когда я лежала на спине, а он стоял на коленях между моих широко раздвинутых ног и не просто целовал внутреннюю поверхность моих бедер, а вкушал ее, медленно, целенаправленно ведя языком от колена к самому центру, а потом...

Потом его невероятно горячий язык заменил пальцы, и мир перевернулся. Я вцепилась сначала в простынь, потом в его волосы, задыхаясь, а он держал мои бедра, не давая сомкнуть их, и продолжал, пока я не разрыдалась от переизбытка эмоций. Я не умоляла остановиться и не просила больше в одном и том же прерывающемся бессвязном шепоте.

От этих воспоминаний всё внутри сжалось в тугую, горячий узел. Я непроизвольно придвинулась к Дамиану еще ближе и ощутила, как его естество моментально откликнулось на мое движение твердостью.

Дампир издал сонный стон, и его рука на моей груди ожила. Большой палец провел по соску круговым, ленивым движением, а затем надавил чуть сильнее, чем было нужно. Я вздрогнула, и мужчина, все еще спя, притянул меня ближе, так, что я почувствовала каждую выпуклость его мускулистого пресса у себя на спине.

Ладонь на моем бедре сдвинулась на сантиметр выше, и я замерла. Дамиан еще не проснулся, но его действие уже казалось осознанным. Пальцы скользнули вниз, едва касаясь самого сокровенного места, но, не входя, а просто рисуя линию, от которой всё мое тело вспыхнуло огнём, и я, глубоко и надрывно вдохнув, открыла глаза.

Свет в комнате из-за закрытых ставней казался золотисто-серым и тусклым. Всё вокруг теперь выглядело иначе, нереально...

Я тихонечко отстранилась и повернулась на спину, чтобы убедиться, что сама не нахожусь в одном из своих самых трепетных и запретных сновидений.

Дамиан действительно был рядом и выглядел он таким безмятежным...

Мой взгляд с его лица переместился на торс, а потом на то, что было ниже. Под тонкой простыней просматривался силуэт возбуждённой мужской плоти.

Память услужливо напомнила его вид при лунном свете: длинный, ровный, с темным, аккуратным завитком волос у основания и каплей влаги на конце, которую я, повинаясь неудержимому порыву, слизала, услышав сдавленный, невероятно интимный стон. Тогда пальцы вампира впились мне в волосы, но, не отталкивая, а прижимая к себе и проникая глубже.

Мысль о том, что было «до», ударила как ножом. Наши яростные споры... Его ледяные взгляды...

Эта ночь была слишком совершенной, чтобы быть правдой. Она была побегом. Вспышкой. И она должна была закончиться.

Попыталась осторожно отодвинуться, но рука вампира протестующе сжала мою грудь, а пальцы между ног перестали ласкать и вошли в меня — сразу два, легко, ведь я была до неприличия влажной даже после сна.

Я ахнула от неожиданности, и тогда глаза Дамиана распахнулись, но в них не было дезориентации, а только мгновенная темная осознанность. Мужчина смотрел на меня, а его пальцы внутри медленно, сокрушительно провернулись, умело нащупывая самую чувствительную точку.

— Ты уже проснулась, — произнёс еще сиплым после сна голосом. — И уже готова. Почему же ты пытаешься сбежать?

Я не смогла ответить, а лишь разочарованно всхлипнула, когда Дамиан вынул из меня пальцы, и я почувствовала на их месте пустоту. В то же мгновение мужчина оказался сверху, нависнув надо мной словно оголодавший коршун.

Его взгляд с моего лица переместился на грудь, затем на живот, а потом опустился туда, куда он только что проникал. Вампир был голоден, и он жаждал не крови. А я...

— Нет, — прошептал он в ответ на мой беззвучный протест. — Никаких разговоров сейчас. Только это.

Дамиан наклонился и взял мой сосок в рот, не лаская, а будто поглощая его. Зубы защелкнулись вокруг нежной плоти, язык яростно заработал, а его бедра раздвинули мои колени.

Вампир вошел в меня одним резким, глубоким толчком, заполнив до предела. Мы оба закричали — он хрипло, я — высоко и надрывно. Не было медлительности, нежности утра. Была только ярость желания, обоюдная, отчаянная, как будто мы пытались вбить друг в друга память о себе через боль и наслаждение.

Ритм Дамиана был неистовым. Каждый толчок вгонял меня в матрас, заставляя скользить по шелку. Мои ноги обвились вокруг его поясицы, впиваясь пятками в ягодицы и притягивая его еще глубже с каждым движением.

Руки цеплялись за мужскую спину, и я чувствовала под своими пальцами напряжение каждой его мышцы. Вампир опустил голову, и его губы нашли мои в поцелуе, который был скорее укусом. И я отвечала с той же дикостью, чувствуя во рту металлический привкус.

Когда Дамиан изменил угол проникновения, я буквально взвыла от неопишуемого восторга. Ноги задрожали, а спина выгнулась дугой. И на лице вампира появилась хищная, торжествующая улыбка.

— Вот так, — прошипел он, не сбавляя темпа. — Вот так, Тесси. Дай мне всё. Всю себя.

Одна его рука проскользнула между наших тел, его большой палец снова нашел пульсирующий узелок и прижался к нему, вращаясь в такт его яростным толчкам.

Это было слишком. Давление внутри и снаружи достигло критической точки. Я закричала, и мое тело сжалось вокруг него в серии мучительных извивающихся конвульсий, выжимая из меня весь воздух, все мысли и всю боль.

Я могла лишь ловить ртом воздух, и бессвязно бормотать имя своего первого мужчины. Единственного мужчины.

Дамиан наблюдал за мной, и его движения становились резче, отрывистее, а лицо искажала гримаса предельного напряжения. И когда вторая волна накрыла меня, еще сильнее пер-

вой, он сорвался с громким, сдавленным рыком, вогнав себя в меня в последний, глубокий раз, и я почувствовала внутри горячий пульсирующий выброс.

А потом дампир обрушился на меня всем весом, его лоб уткнулся мне в шею, дыхание было обжигающе горячим и прерывистым.

Мы лежали так, сплетенные, мокрые и разбитые. Его рука все еще лежала между моих ног, палец лениво водил по перевозбужденной, нежной плоти, заставляя меня вздрагивать.

И только тогда, когда дыхание немного успокоилось, а сердце перестало колотиться о ребра, я почувствовала, как по моей щеке скатилась слеза. Потом еще одна.

Дамиан почувствовал неладное и поднял голову. Его взгляд, еще затуманенный страстью, прояснился и наполнился тревогой.

— Тесси...

— Это закончится, — выдохнула я, не в силах смотреть ему в глаза. — Когда мы выйдем за дверь. Когда разорвем связь. А это... это всего лишь ночь. Иллюзия, вызванная магической меткой.

Дамиан сначала замер, потом перевернулся на бок лицом ко мне, не отпуская меня из своих объятий.

— Нет, — сказал тихо, но с такой уверенностью, что стало страшно. — Это не «всего лишь». И это не закончится. Я не позволю.

И прежде чем я успела что-то сказать, он снова поцеловал меня, но теперь это был другой поцелуй. Медленный, глубокий, исследующий. Поцелуй-клятва. Поцелуй-прощание с тем, что было, и начало чего-то нового, но не менее опасного.

И Дамиан снова ласкал меня, успокаивая перевозбужденные нервы, целовал мои слезы, шептал что-то несвязное на забытом языке своего рода.

Мы не говорили больше, а снова любили друг друга, когда в окно уже светило полное солнце. Медленно, молча, глядя в глаза, как будто пытаюсь впечатать в память каждую деталь. И когда, наконец, пришел пик, тихий и всеобъемлющий, он прошептал мне в губы, сливаясь со мной в последнем трепете:

— Ты моя, Танассия. Ничто теперь этого не изменит.

Но позже, когда он уже стоял у двери, я поймала его взгляд, и в нем, сквозь все брошенные в порыве страсти клятвы, увидела ту же леденящую истину.

Рассвет прошел. Тень от закрывающейся двери легла между нами. И за ту ночь, за эти часы безумия, расплата, скорее всего, уже караулила за порогом, готовая вцепиться в нас когтями.

Глава 15. Три дня в царстве ледяных взглядов

Танассия

Три дня. Семьдесят два часа тоски, которая въедалась в кости и разрывала сердце на части.

Дамиан исчез. Снова. После всего — после ночи, что перепахала душу, после его слов, выжженных в памяти: «Ты моя. Ничто теперь этого не изменит».

Где же это «ничто»?

Оказалось, им был он сам. Его собственная воля, снова возведшая между нами ледяную стену.

Первые сутки я злилась до дрожи в пальцах. Представляла, как при встрече залеплю пощёчину этому трусу за столь подлое отступничество! Но на вторые сутки злость выцвела, оставив после себя лишь холодную, тяжёлую пустоту.

Может, я всё неправильно поняла?

Может, для него это и правда было лишь... вспышкой? Утолением голода, не более?

А на третьи сутки пришла тихая подлая тревога, шепчущая в самое ухо то, что с Дамианом что-то не так. Или... из-за него что-то не так теперь со мной...

Дан избегал меня и раньше, но то был поединок. Теперь же это было похоже на бегство от меня и от того, что он сам развязал внутри нас обоих.

И этот дом, это проклятое, величественное поместье, будто вторило его молчанию. Только теперь молчание было наполнено совершенно иными взглядами.

Лаяна, всегда относившаяся ко мне с терпимой вежливостью, теперь при встрече буквально выворачивалась всем телом, лишь бы не пересечься со мной взглядом.

Вчера я попыталась её остановить, чтобы расспросить о редком фолианте, но глаза ведьмы вдруг наполнились неподдельным страхом.

— Прости, я... я должна идти, — выпалила она и почти побежала, споткнувшись о собственный подол.

Еще одно бегство, словно я могла заразить ее чумой!

Дрейвен же теперь смотрел на меня не просто с ненавистью, а с чистой, неразбавленной злобой, будто я украла у него что-то бесценное. Хотя, конечно, я понимала негодование младшего дампира, но всё же рассчитывала хоть на какое-то понимание с его стороны.

— Где Дамиан? — спросила я прямо, когда блуждая по поместью подобно приведению, наткнулась на Рена в коридоре.

Брюнет медленно поднял голову, и его тяжёлые темный взгляд ударил по мне будто невидимой плетью.

— Не твоё дело, некромантка, — прошипел мужчина, и слово «некромантка» в его устах прозвучало как плевок. — Он занят. Исправляет последствия.

— Какие последствия? — я сделала шаг вперёд.

— Твоё присутствие здесь — последствие, — бросил он сквозь стиснутые зубы. — Ты теперь его слабость, и мы все за неё платим.

Он отвернулся, брезгливо скривив лицо, и я ушла, чувствуя жгучую обиду и ледящий страх.

Неужели нужно было дать Дамиану умереть?!

Он ведь жив! Какая разница какой ценой?

Ответов на эти вопросы у меня не было. И, честно сказать, я их и не особо-то искала, потому что знала: если бы оказалась в прошлом, поступила бы точно так же!

От одиночества спасала только библиотека, но теперь я искала не спасения от связи, а понимания. Листала фолианты о демонических симбиозах, о духах-паразитах, о древних

проклятиях крови. Я хотела понять, что за зверь поселился в дампире, чтобы знать, как ему помочь. Неизвестность на данный момент пугала больше всего.

После нескольких часов среди книг, от безысходной усталости я направилась в старый каменный загон к некро-псам. Протянула руку сквозь решётку, и самый крупный из этих до жути удивительных существ тяжёлой, холодной мордой уткнулся мне в ладонь. Я закрыла глаза, вдыхая запах сырой земли и старой кости.

Только они не осуждали и не отталкивали меня...

Я готова была просидеть со своими новыми питомцами целую вечность, мысленно жалуясь им на свою судьбу, но мой покой нарушил управляющий.

— Леди Танассия, Господин Дамиан и госпожа Оливия Вайцман ожидают вас в Охотничьем зале.

И без того мой шаткий мир в один миг накренился от услышанного.

Оливия... Она здесь. С ним...

Я выпрямилась, с усилием оторвав ладонь от грубой шкуры пса.

— Спасибо, уже иду, — ответила, стараясь раньше времени себя не накручивать, но с каждым шагом, приближающим меня к нужной двери, тело всё больше охватывала паническая дрожь.

И я не боялась какой-то жестокой расправы, просто не хотела встречаться лицом к лицу с той, чьи стоны совсем недавно разносились по всему поместью. Боль обиды еще скреблась в душе, и эта встреча, как новый надрез на еще не зажившей ране.

Когда я вошла в Охотничий зал намеренно без стука, первое, что ударило в нос — аромат её духов: морозный цветок, иней и горький миндаль. Эта смесь густым туманом пропитала всё пространство, вызывая першение в горле.

Оливия и Дамиан стояли у камина. Он как всегда безупречный внешне и безразличный ко всему внутренне. Она — ослепительно красивая, как картина из мира, куда мне не было хода.

Женщина говорила что-то тихо, с лёгкой улыбкой, глядя Дамиану в глаза, а её ладонь при этом лежала на его запястье. Нежно. Собственнически.

Видеть их вместе так близко друг к другу было очень мучительно. Меня будто кипятком ошпарили, и дикая сводящая с ума ревность мгновенно вскипела в крови.

— А, вот и наша некромантка, — холодно произнесла Оливия, когда повернулась, и прошла по мне оценивающим взглядом.

Дамиан тоже повернул голову и посмотрел на меня так, как смотрел тогда, когда отчитывал за очередной проступок в стенах академии.

— Танассия, госпожа Оливия прибыла для обсуждения положения на северных рубежах. И твои познания могут быть нам полезны, — сухо произнёс, будто я для него и впрямь лишь полезный «инструмент».

Хотя, с чего я решила, что всё иначе?

— Наши разведчики сообщают о странных оттепелях. Земля оживает, но флора и фауна несут следы глубокого искажения. Почти что осквернения, — без предисловий выдала Оливия, небрежным жестом руки указав на развернутую на столе карту. — Мой отец полагает, что это может быть следствием мощного, но неконтролируемого выброса магии. Возможно, чужеродной.

Дампириша смотрела на меня, и в её ледяных глазах горел немой вопрос: «Это твоих рук дело, милочка?»

— Осквернение — громкое слово, — парировала я. — Чтобы сказать наверняка, нужен взгляд на место. Прямой контакт.

— Прямой контакт? — Оливия удивленно приподняла бровь. — Слишком рискованно. Особенно если источником окажется нечто враждебное и разумное.

В её словах прозвучал намёк, от которого по спине пробежал холодок, ведь блондинка достаточно прозрачно намекала на зверя в Дамиане!

Или мне это только показалось?

— Риск — часть моей профессии, — я стойко выдержала её взгляд. — Лучше встретить угрозу там, где она зародилась. Так меня учили в академии. Такому убеждению следует и господин Мортазарт, — добавила, прекрасно помня, что мало кому из высшего света неизвестно о нашем с верховным некромантом родстве. И, судя по всему, дядя отказал содействовать в этом странном деле дампирше и ее отцу, иначе зачем им просить помощи у такой неумехи как я?

В этот момент наши взгляды скрестились по-настоящему, как у двух женщин, понимающих, что речь о чём-то большем, чем какие-то там аномалии на карте.

— Обсуждение деталей экспедиции я оставляю вам, — вдруг сказала Оливия, обращаясь уже к Дамиану, и её тон заметно смягчился, став тёплым и почти интимным. — Однако, Дамиан, главная цель моего визита иная. Отец устраивает бал в честь Полнолуния, и он очень надеется на твоё присутствие. И лично просил передать, что ждёт твоего решения. — женщина сделала паузу, и её взгляд снова скользнул по мне, на этот раз с лёгким, едва уловимым вызовом. — Ты ведь понимаешь, дорогой, о каком решении идёт речь.

Высокомерная гадина снова посмотрела на меня, и в её глазах мелькнуло торжество: «Видишь? У нас есть дела. Будущее. А ты лишь помеха, которую скоро устранят».

Затем Оливия спешно попрощалась и ушла, оставив за собой шлейф морозного аромата и гулкое напряжение.

— Зачем? — выдохнула я, когда дверь за блондинкой закрылась. — Чтобы я увидела, с кем ты ведёшь переговоры и строишь планы на будущее?

— Ты думаешь, это было для тебя? — голос Дамиана прозвучал сдавленно, в нём впервые прорвалось что-то живое, похожее на ярость. — Оливия и её отец давно метят на союз с нашим домом. Бал — не светское мероприятие, а ловушка. Публичная проверка. Если я появлюсь с тобой или даже если слухи о нас дойдут до них... они используют это как козырь, чтобы давить на моего отца, вынуждая к помолвке. А если я приду один... — он замолчал.

— Если придешь один, они сочтут это согласием играть по их правилам, — договорила я за него, и холод отчаяния проник в самую душу. — А зверь? Они о нём что-то знают?

Дампир сжал кулаки.

— Подозревают. У каждого дампира от рождения свой особый дар. Дрейвен, например, может наводить морок на сознание, я имею способность к телепортации. Лорд Вайцман — мастер по распознаванию скверны. Три дня назад здесь был... всплеск, и он его уловил. Оливия здесь не из вежливости. Она охотница. И теперь она учуяла не только мою слабость, но и тебя. Тебя — как доказательство этой слабости, как рычаг давления. Не только на меня, но и на тебя, ведь твоя сила поразительна. И то, что такой мощью обладает неопытная девчонка, привлекает их более всего.

Его слова обрушились на меня снежной лавиной. И ревность вместе с соперничеством тут были не причем. Это была политика, в которой я стала разменной монетой.

— И что, её прикосновения, её намёки — часть твоей игры? — голос мой всё же дрогнул, потому что всё равно к горлу подступал неприятный осадок.

— Это её игра! — рявкнул, и сделал шаг ко мне. — Оливия играет на нескольких досках сразу. И на одной из них — моя свобода. Бал в честь Полнолуния... для меня это будет испытание огнём. Если он внутри не выдержит толпы, давления, её провокаций... всё раскроется. И тогда её отец получит не просто брачный договор, а полную власть надо мной, потому что я сделаю всё, чтобы не позволить своей семье как-то пострадать или испытать муки позора!

Я поняла весь ужас его положения. Оливия хотела не просто брака. Она хотела власти над ним, через его самую страшную тайну, на которую Дамиана обрекла я...

— Так что теперь? — прошептала, искренне желая помочь, но понятия не имея, как это сделать. — Ты пойдёшь на этот бал, чтобы отказать ей? Или чтобы сдаться?

— Я пойду, чтобы выстоять, — сказал он тихо, но с железной решимостью. — Чтобы доказать и им, и себе, что я держу контроль. Если я пройду эту проверку... у меня будет козырь. Если нет... — он не договорил, но я поняла. Провал будет концом.

— А я? — уточнила каким-то совсем чужим для себя голосом.

Дамиан посмотрел на меня, и в его взгляде, сквозь шторм бушующих эмоций, промелькнуло что-то неуловимое: боль, тоска, та самая связь, что пульсировала между нами.

— Ты должна быть умнее, Тесси. Сильнее. И оставаться в тени. Оливия уже выбрала тебя мишенью. Не давай ей повода прицелиться, — произнес суровым приказным тоном, а затем развернулся и вышел, оставив меня одну.

Я стояла, глядя на догорающие в камине поленья. Страх сжимал горло, но вместе с ним поднималось иное чувство — яростное и непокорное. Оливия хотела заполучить Дана, используя его же демона как оружие, и она явно видела во мне помеху, хоть всячески старалась не показать этого.

— Хорошо, — прошептала едва слышно, и губы сами растянулись в беззвучном оскале. — Пусть попробует.

Бал Полнолуния из светского события превратился в дуэль. И я, Танассия, некромантка без рода и титула, выгнанная из академии, вдруг обнаружила в себе жгучее, дикое желание в этой дуэли участвовать. Не как пешка, а как противник.

Выскородная гадина хочет Дамиана? Пусть сначала попробует его у меня отнять! Пусть рискнет усмирить зверя, которого она так жаждет приручить.

И мы посмотрим, кто кого, в конце концов, ломает...

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.